БИБЛІОТЕКА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.
SEMPER IMMOTA FIDES
АЛУПКА
Шкафъ Я
Полка VIII №. 1.
Кн 7777 / АОМ
КН 7741
АДМ

Инв. № 8982
Объект № 3
12,9,7

БИБЛИОТЕКА
Алупкинского Государств.
Дворца-Музея
ОТДЕЛ Л.Г.13.
КНИ. № 6228
ШИФР

АЛУПКІНСЬКИЙ
ПАЛАЦ-МУЗЕЙ
в м. Алупці
БІБЛІОТЕКА
Інв. № 4404

БИБЛІОТЕК

Шк

Полка

Кн

ЛЮДОВИКЪ XVI.
Король Французкій.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ ДѢЯНІЯ

И

СВОЙСТВА ДУШИ

ЛУДОВИКА XVI,

КОРОЛЯ

ФРАНЦУЗСКАГО

съ

описаніемъ его кончины.

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ.

ВО ГРАДѢ СВЯТАГО ПЕТРА,

Съ дозволенія Управы Благочинія.

Печатано у І. К. Шнора 1793 года.

Съ давнихъ уже временъ Францїя имѣетъ великое влїянїе на произшествїя Европы. Сила ея, различныя страсти управлявшихъ ея дѣлами Министровъ и разные виды выгодъ, благо государственное назидающихъ, были навсегда главнѣйшими пружинами того, что она вмѣшивалась, часто не къ стати, а иногда и со вредомъ своимъ, въ дѣянїя другихъ державъ. Соображая ея Исторїю ясно видѣть можно, что въ ономъ содѣйствовали не столько сами Государи Французскїе, по должности своей о благоденствїи Государства тщательно бдѣвшїе, сколько Министры ихъ, водимые часто собственными своими прихотями. Но никогда сїя держава не дѣйствовала толь блистательно на театрѣ всего мїра, какъ въ концѣ

прошедшаго и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Частыя ея, долговременныя и тяжкія войны, необходимо слѣдующія за желаніемъ предписывать законы, хотя и совершенно противу всякаго здраваго разсудка, сосѣдственнымъ державамъ и сопряженные съ оными многочисленные разходы, нечувствительно разстроивали, въ то же самое время, внутреннее благоустроеніе Государства. Собираемыя со всего Государства подати учинились несоразмѣрны разходамъ: ибо знатное оныхъ количество надобно было употреблять на оплату неимовѣрныхъ почти государственныхъ долговъ.— Въ таковомъ состояніи Франціи принялъ кормило правленія Лудовикъ XVI. Чувствительной его душѣ весьма прискорбно было зрѣть свою державу въ толикомъ разстройствѣ. По отеческой любви къ подданнымъ своимъ съ самаго дня возшествія на престолъ началъ онъ стараться изъискать спасительныя средства къ облегченію участи

своего народа, но народа наконецъ учинившагося неблагодарнымъ; изъискивалъ ихъ и не хотѣлъ быть спокоенъ дотолѣ, пока не доставитъ любезному своему отечеству прежнее достоянїе обилїя, славы и величїя. Каждый день, каждая почти минута его жизни и правленїя преисполнены сердечныхъ его разположенїй къ подданнымъ и неусыпныхъ попеченїй о благѣ Государства своего.

Но при всѣхъ своихъ отличныхъ добродѣтеляхъ Лудовикъ XVI окруженъ былъ людьми только льстившими ему и предпочитавшими государственнымъ пользамъ собственныя свои выгоды. Самый *Неккеръ*, сей бывшїй нѣкогда идолъ Французскаго народа, государственный казначей, подъ видомъ усердїя своего къ пользамъ Францїи, былъ болѣе предатель Государя и Государства, нежели Министръ; подавалъ Лудовику совѣты столько же вредные, сколько и опасные; болѣе наблюдалъ съ совершенною

точностію собственныя свои выгоды, нежсли при всѣхъ возможныхъ уменьшеніяхъ разходовъ приводилъ въ порядокъ государственные доходы; очевидно, почти, содѣйствовалъ началу золъ ввергнувшихъ Францію въ продолжающіяся въ ней по нынѣ нестроенія и нарушившихъ тишину большей части Европы; предпринималъ свои намѣренія съ великимъ жаромъ; но производилъ оныя въ дѣйство со слабостію совершенно непростительною въ Министрѣ. Таковое малодушіе его и другихъ управлявшихъ государственными Франціи дѣлами, равно какъ и чрезвычайное добродушіе Государя Французскаго не упустили истинные враги своего отечества употребить въ свою пользу; простерли произведеніе намѣреній своихъ въ дѣйство до такой наглости, дерзости и бѣшенства, каковыхъ примѣровъ мало въ лѣтописяхъ рода человѣческаго; однако же наконецъ злодѣяніями своими подвигли на себя наказующую десницу вышняго Правителя все-

ленныя, запрещающаго прикасатися помазанному своему и лукавновати предъ постановленными отъ него обладати царствы земными. — Разсматривая всѣ сїи, по истиннѣ рѣдкїя, обстоятельства и соображая съ одной стороны великїя добродѣтели Лудовика XVI, а съ другой чрезвычайныя злодѣянїя и звѣрскую неблагодарность его подданныхъ, кто не пожелаетъ обозрѣть обстоятельнѣе достоинства перьваго и нечестїе послѣднихъ? — Въ семъ намѣренїи и издается на нашемъ отечественномъ языкѣ сїя перьвая часть *достопамятныхъ дѣянїй и свойствъ души Лудовика XVI*; а вторая часть заключающая въ себѣ продолженїе оныхъ и несчастную кончину сего Государя за сею послѣдуетъ вскорѣ.

Великая ЕКАТЕРИНА отдавая справедливость достоинствамъ Лудовика XVI, бывшаго вѣрнѣйшимъ ея союзникомъ, повелѣла, въ нѣдрахъ любезнѣйшаго нашего отечества, воздать долгъ памяти его, приличный и Ея

Матернему сожалѣнію и добродѣтелямъ онаго несчастнаго Государя. Самые потомки, съ сердечнымъ прискорбіемъ разсматривая таковыя произшествія, не престанутъ благословлять память добродѣтельныхъ и человѣколюбивыхъ Государей, да не престанутъ же и проклинать неистовое бѣшенство подданныхъ, разрушающее царствія земныя.

Лудовикъ XVI (*) не любилъ въ жизни своей роскоши и великолѣпія. Онъ подобно Генриху IV разсуждалъ, что однимъ токмо комедіантамъ прилично украшать себя суетными уборами и нарядами; прямое достоинство человѣка поставлялъ онъ въ образѣ мыслей его, въ просвѣщеніи души и добротѣ сердца. И сего ради за нѣсколько дней предъ бракосочетаніемъ своимъ онъ обьявилъ торжественно царедворцамъ своимъ, что они здѣлаютъ и ему крайнее угожденіе, и себѣ самимъ великую пользу, естьли не будутъ полагать достоинства въ пышныхъ и щегольскихъ нарядахъ. Ибо онъ проницалъ душу человѣка сквозь великолѣпнѣйшее одѣяніе; и потому наружный блескъ ничего не значилъ предъ глазами его. Примѣчено, что онъ еще Дофиномъ будучи гораздо лучше обходился съ тѣми изъ приближенныхъ своихъ, кои большую скромность наблюдали въ одѣяніи. Что же касается до собственнаго его

(*) Государь сей родился въ Версаліи 23 Августа 1754 года, въ супружество вступилъ 16 Маія 1770, провозглашенъ Королемъ 10 Маія 1774 года, миропомазанъ 11 Іюня 1775 года, умерщвленъ злодѣйски 21 Генваря 1793 го.

лица, онъ рѣдко носилъ платье съ галунами, а еще рѣже шитое серебромъ или золотомъ.

Онъ былъ великаго разума, и говорилъ бы съ большею откровенностію, естьли бы не зналъ, что окруженъ такими людьми, которые стараются перехватывать малѣйшія слова его и толковать оныя по своимъ догадкамъ, и естьли бы не вѣдалъ, что одно слово можетъ измѣнить тайнѣ цѣлаго Государства. Скорые отвѣты его показываютъ тонкость и остроту его разума. Я приведу здѣсь одинъ примѣръ сему. Графъ Л..... человѣкъ въ прочемъ ученой и умной, возвратившись изъ Англіи, куда онъ ѣздилъ изъ одного любопытства, явился ко двору для засвидѣтельствованія подданническаго своего почтенія Государю. Его Величество будучи не очень доволенъ частыми его отлучками, и разговаривая съ нимъ съ свойственною себѣ искренностію спросилъ его между прочимъ, чему онъ научился въ Англіи; на что Графъ набравшись Англинскаго духу съ важнымъ видомъ отвѣтствовалъ, *думать*, ваше Величество. — *О лошадяхъ* — прервалъ Государь съ живостію, и тутъ же отъ него отворотился.

Во время послѣдней войны Лудовикъ XVI. ни о чемъ столько не помышлялъ, какъ о возстановленіи свободнаго по морямъ плаванія. Занимаясь единственно симъ важнымъ предмѣтомъ, которой въ предшедшее царствованіе былъ почти совсѣмъ пренебреженъ и оставленъ, онъ отрекся отъ всѣхъ веселостей, и посвятилъ, такъ сказать, всего себя пользѣ общественной. Королева старался сколько нибудь развлечь его, въ 1779 году вознамѣрилась здѣлать для него празднество въ день св. Лудовика; а для Королевы самой положено было здѣлать оное въ день Успѣнія Богоматери; но младый и мудрый Монархъ не восхотѣлъ ни того, ни другаго, представляя, что теперь не такое время, что бы тратить деньги на излишніе и малополезные расходы.

Когда меня пожаловали Министромъ, говоритъ Графъ Сентъ-Жерменъ, по нѣкоторымъ особеннымъ Короля со мною разсужденіямъ и собесѣдованіямъ удостовѣрился я несомнѣнно, что онъ исполненъ сердца и умы плѣняющей доброты; всѣ движенія души его склонялись къ правдѣ и благотворенію, такъ что, казалось, онъ не дышалъ, какъ токмо любовію къ

добродѣтели и благосостоянію общественному.

Но естьли бы кому слова сіи показались лестію, свойственною человѣку придворному, то я докажу, что множество дѣяній собранныхъ мною въ сей книжицѣ, какія только могли дойти до моего свѣденія, неложно подтверждаютъ истинну сихъ преизящныхъ свойствъ Лудовика XVI.

Всѣ безъ изъятія говорили и говорятъ, что Государь сей былъ наидобрѣйшій человѣкъ во всемъ Королевствѣ. Но не справедливѣе ли было бы сказать, что онъ былъ добрѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ? Въ прочемъ съ 1776 года присвоили ему сей почтительнѣйшій титулъ, которой до него мало кому изъ королей, казался быть приличнѣе.

Лудовикъ XVI отъ природы былъ въ поведеніяхъ своихъ важенъ, имѣлъ начала строгія и любилъ во всемъ порядокъ. По смерти Дофина его родителя, царедворцы выдумывали, какое бы названіе дать ему, когда онъ на престолъ вступитъ; ласкательство истощало себя въ новыхъ и лестныхъ наименованіяхъ: — Я хочу, что бы называли меня, сказалъ онъ съ видомъ

обезоружившимъ всѣхъ льстецовъ, я хочу, что бы называли меня *Лудовикомъ Грознымъ.*

Но въ послѣдствіи времяни онъ доказалъ поведеніемъ своимъ, что ни мало не заслуживалъ сего ужаснаго наименованія. И естьли онъ былъ несчастливъ, то отъ того только, что кротость и тихость царствовали въ душѣ его, когда онъ царствовалъ во Франціи.

Въ началѣ царствованія Лудовика XVI. переименовали его *Лудовикомъ Благотворительнымъ,* и онъ сохранилъ бы сей титулъ, естьли бы не приобрѣлъ славы заслужить другой гораздо лестнѣйшій и почтительнѣйшій, какъ то мы увидмъ въ послѣдствіи.

Въ прочемъ онъ будучи Дофиномъ показалъ нѣкоторые опыты той твердости духа и строгости, кои тогда ему приписывали. Когда по совершеніи его бракосочетанія прибавлены были нѣкоторыя театральныя сочиненія къ тѣмъ, кои надлежало представлять въ Фонтенеблѣ, то здѣлано было новое росписаніе онымъ, которое когда поднесли Его Высочеству Лудовику XVI. то сей Государь принявъ оное и не читавъ тутъ же бросилъ въ огонь, сказавъ притомъ: — „Вотъ сколь много я думаю о дѣлахъ сего рода„.

Еще сказываютъ объ одномъ окнѣ бывшемъ насупротивъ его комнатъ, подлѣ котораго всякой день сидя, Г. Бордъ, перьвый камердинеръ и любимецъ Лудовика XV. заглушалъ его своею скрыпкою. Младый Принцъ не смотря ни на что приказалъ то окно закласть кирпичами, дабы избавиться отъ сей несносной музыки.

Въ одно время Г. Барри имѣла неблагоразуміе говорить съ чуствительною насмѣшкою о Дофинѣ, что все послѣ было ему пересказано. Сей Государь въ перьвыхъ движеніяхъ гнѣва прибѣжавъ къ ней въ комнату доказалъ ей самымъ убѣдительнымъ образомъ, что ей не пристало такъ забавляться на щотъ своего Государя. И какъ тогда при дворѣ очень много говорили о Викомтѣ Барри, ея племянникѣ, для котораго сія дама старалась исходатайствовать Оберъ-Шталмейстерское мѣсто при конюшнѣ наслѣдничей, то Дофинъ сказалъ ей прямо: — „Естьли племянникъ вашъ получитъ это мѣсто, то что бы онъ ко мнѣ не приближался: Я не люблю, что пахнетъ навозомъ„.

Дофинъ сей однажды за ужиномъ, когда придворная политика ухищрялась, что бы Графиня Барри имѣла честь быть вмѣстѣ съ его супругою, такъ изъяснился

августѣйшему своему дѣду, что не оставилъ никакого сомнѣнія о чувствованіяхъ своего сердца. Онъ обьявилъ ему, что онъ душевно расположенъ и всегда готовъ Государю являть всѣ возможные знаки усердія, почитанія и покорности; но что также собственная его честь и долгъ заставляютъ его удалять отъ супруги своей всѣ соблазны и подозрѣнія.

Сіи два послѣдніе поступка доказываютъ наипаче великую непоколебимость и откровенность души его. Дофинъ боялся чѣмъ нибудь оскорбить Государя дѣда своего, котораго онъ искренно любилъ и почиталъ; однако лучше хотѣлъ подвергнуться его гнѣву, нежели здѣлать шагъ противный образу своихъ мыслей.

Здѣсь должно присовокупить, что по смерти Лудовика XV. новый Монархъ по благородству души своей предалъ забвенію всѣ оскорбленія причиненныя ему Графинею Барри. Августѣйшая его супруга явила не меньшее снисхожденіе въ разсужденіи одной женщины, которой она не могла терпѣть будучи еще не Королевою. Толико они умѣли обладать собою и умѣрять свои страсти.

Исторія должна возвѣстить равно слабости, какъ и добродѣтели Государей. О Лудовикѣ XVI. говорятъ, будто бы онъ былъ вспыльчивъ и надъ мѣру строгъ во гнѣвѣ своемъ. Сказываютъ, что Маршалъ Кастри однажды имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Монаршій, когда будто бы вмѣсто его другой Министръ заслуживалъ оной. Естьли бы это и случилось такъ, то сіи мгновенныя движенія измѣняютъ ли что нибудь во глубинѣ сердца такого Государя, котораго всѣ умозрѣнія были святы, всѣ дѣянія преизящны и благонамѣренны? Въ прочемъ должно знать еще и то, что придворные и даже нѣкоторые Министры, дабы заставить себя уважать, или извинить собственныя свои слабости, имѣли подлую низкость распространять такіе обидные и недостойные слухи о его Королевскомъ Величествѣ и Августѣйшей его супругѣ. „Ибо тотъ, говоритъ одинъ отечество любящій писатель, кто при Королѣ домогается самъ царствовать, оклеветаніе и безчестіе употребляетъ главнѣйшимъ орудіемъ къ достиженію своихъ замысловъ„. Но таковыя умышленія и пути оныхъ коль недостойны суть человѣка просвѣщеннаго и праводушнаго!

Наслѣдникъ престола, родитель Людовика XVI. имѣлъ сердце весьма чувствительное, и надобно думать, что онъ былъ бы весьма добрымъ Государемъ, естьли бы преждевремянная смерть не прекратила дней его. Когда по закону Католицкому довершаемы были обряды крещенія троихъ дѣтей его, то онъ имъ далъ примѣтить (ибо они тогда уже были въ разумѣ), что имена ихъ записаны въ книгу на ряду со всѣми другими новорожденными. — „Вы видите, сказалъ онъ имъ, что имена ваши здѣсь смѣшаны съ именами народными. Изъ сего должны вы научиться, что отличія, коими пользуетесь, не природа вамъ даровала. Она всѣхъ людей творитъ равными; едина токмо добродѣтель производитъ между ими прямое различіе; и можетъ быть, что дитя бѣднаго человѣка, котораго имя прежде вашихъ записано, будетъ угоднѣе предъ очами Божіими, нежели вы предъ глазами народными.„

Сей Государь наиболѣе всего желалъ, что бы имъ преподаны были уроки человѣколюбія. — „Введите ихъ, говорилъ онъ, въ хижину земледѣльца, да видятъ они хлѣбъ питающій нищаго, и да научатся проливать слезы.„ Желаніе сего благодѣтельнаго Государя было увѣнчаваемо все-

желаемымъ успѣхомъ. Ибо Лудовикъ XVI. дѣйствительными своими благотвореніями доказалъ всему свѣту, что онъ достоинъ былъ быть преемникомъ его добродѣтелей. — Онъ будучи еще Герцогомъ Берскимъ, однажды по окончаніи часовъ своего ученія, которое онъ любилъ премного, пришедъ къ своему родителю на вопросъ его, какъ онъ проводитъ свое время, отвѣтсвовалъ: — „Часы ученія для меня такъ скоро проходятъ, что я почти совсѣмъ ихъ не вижу.„ Тутъ родитель поцѣловалъ его съ душевнымъ восхищеніемъ и предсказалъ, что сіе любящее науки дитя содѣлаетъ нѣкогда всякое добро, какое только возможно человѣку.

Въ младенчествѣ еще своемъ сей Государь разговаривая однажды съ братьями своими, ошибкою сказалъ: *il pleuva* (*). — „Ахъ! какая грубая погрѣшность, вскричалъ Графъ Прованскій! Братецъ, ето не хорошо; Принцу надобно знать свой языкъ. — А вамъ, братецъ, подхватилъ старшій, надлежало бы поудержать вашъ.

(*) Вмѣсто *il pleuvoit*, или *il plut*, то есть: *дождь шелъ.*

Лудовикъ XVI. въ нѣжнѣйшей своей юности возвѣстилъ, что онъ будетъ покровительствовать земледѣліе, яко источникъ всѣхъ богатствъ въ государствѣ. Въ одно время прогуливаясь въ окрестностяхъ Версали, и увидѣвъ на полѣ пашущаго землю крестьянина, онъ тотчасъ удаляется изъ среды сопровождавшихъ его, и прибѣжавъ къ земледѣльцу занимаетъ его мѣсто и работу, и къ удивленію всѣхъ самъ собою управляетъ земледѣльческимъ орудіемъ. Добродушный крестьянинъ видя сіе прослезился, и ублажалъ будущую долю дѣтей своихъ.

Онъ также весьма рано почувствовалъ, коль священная есть вещь право собственности. Будучи Дофиномъ однажды слѣдовалъ онъ за Королемъ дѣдомъ своимъ на охоту съ Принцами братьями своими. Они сидя всѣ въ одной каретѣ по поданному знаку узнали, что подстрѣлили оленя. Симъ обрадованные Принцы по любопытству лѣтамъ ихъ собственному кричали: — „Ну, поскорѣе, поскорѣе.„ Кучеръ для сокращенія пути хотѣлъ проѣхать по полосѣ съ хлѣбомъ; Дофинъ сіе примѣтивъ тотчасъ высунулся изъ кареты, велѣлъ поворотить и ѣхать другою дорогою. — „Хлѣбъ сей, сказалъ онъ, не намъ принадлежитъ; такъ мы не должны

его и портить.„ Графъ д' Артоа пораженный сими благотворительнаго сердца словами, явилъ также благородныя свои чувствованія. Онъ глядя на брата своего съ нѣжностію въ восторгѣ своемъ сказалъ:— „Ахъ! какъ должна почитать себя счастливою Франція, имѣя наслѣдника престола толь справедливаго и добродушнаго!„

Бракосочетаніе (*) Дофина съ Принцессою Маріею Антуанеттою Австрійскою исполнило радости какъ Германію, такъ и Францію. Въ Версали были великолѣпнѣйшія празднества въ прославленіе сего Августѣйшаго союза. Звѣринецъ тамошній, коль ни обширенъ, былъ весь освѣщенъ разными огнями. И должно замѣтить, какъ вещь самую рѣдкую и во Франціи дотолѣ не бывалую, что огни сіи были зазжены почти въ одно мгновеніе, и казалось, что сіе произведено нѣкоею волшебною силою.

Въ Парижѣ пресвѣтлое торжество дня сего было возмущено несчастнѣйшимъ приключеніемъ. Улица ведущая къ площади,

(*) На перьвой страницѣ въ примѣчаніи мы видѣли, когда бракосочетаніе сіе совершилось.

называемой *Лудовикъ XV*. гдѣ зазженъ былъ превеликолѣпный фейерверкъ, была очень уска и недовольна для вмѣщенія въ безчисленномъ множествѣ стекшагося туда народа, такъ что отъ тѣсноты многіе зрители живота лишились. Не можно изобразить того сокрушенія, которымъ пораженъ былъ тогда Король и вся Королевская фамилія. Отмѣнная доброта и чувствительность души, кои Дофинъ явилъ при семъ случаѣ, суть достойны памяти всѣхъ вѣковъ. Коль скоро онъ извѣстился о семъ несчастіи въ Парижѣ, тотчасъ послалъ къ Г. Оберъ-Полицемейстеру шесть тысячь Франковъ при слѣдующемъ письмѣ, собственною его рукою писанномъ. —

—„Государь мой! Я къ прискорбію моему получилъ извѣстіе о несчастіи ради меня приключившемся; оно чувствительнѣйше пронзаетъ мое сердце. Въ сію минуту принесли мнѣ мѣсячное мое отъ Короля жалованье; кромѣ сего ни чемъ другимъ располагать не могу. Я къ вамъ все оное препровождаю; помогите несчастнѣйшимъ.„

Лудовикъ Августъ.

Сей рѣдкій примѣрѣ чувствительности и благотворенія побудилѣ многихѣ частныхѣ людей подражать своему Государю. Здѣсь довольно будетѣ привести одно письмо, писанное кѣ Г. Полицемейстеру Нотаріусомѣ Г. Отелемѣ: — „Милостивый государь! Нѣкто изѣ согражданѣ не могѣ смотрѣть безѣ жалости на несчастіе послѣдовавшее на площади Лудовика XV. онѣ мнѣ препоручилѣ три тысячи ливровѣ сѣ тѣмѣ, дабы сія сумма употреблена была кѣ облегченію семействѣ, кои вамѣ покажутся сожалѣнія достойнѣйшими. Онѣ мнѣ приказалѣ не обѣявлять о его имени. Я ему вѣ томѣ далѣ вѣрное слово. Желаніе его исполнить очень позволительно. Однако онѣ бы желалѣ, что бы поступокѣ сей былѣ обнародованѣ; потому что онѣ надѣется симѣ возбудить сожалѣніе вѣ своихѣ согражданахѣ, кои его богаче„.

Дофину и супругѣ его, вѣ душахѣ коихѣ трагедія, *Осада Кале*, произвела живѣйшее впечатлѣніе вѣ Версали, угодно было, что бы она представлена была вѣ перьвой день, когда они должны были почтить присутствіемѣ своимѣ театрѣ Парижскій. Не возможно изобразить чув-

ствованій, какія произвела трагедія сія вЪ оный достопамятный день. Зрители вЪ восхищеніи соплескали симЪ словомЪ:

> ФранцузЪ вЪ Государѣ своемЪ желаетЪ видѣть брата,
> Которой родившись сыномЪ отечества, отцемЪ ему становится.

ДофинЪ сЪ своей стороны перьвой удостоилЪ соплесканія слѣдующее:

> Коль сладкій есть долгЪ творить счастливыми тѣхЪ, кто насЪ любитЪ!
> Дабы заставить обожать тебя, тебѣ стоитЪ токмо пожелать сего.

Во время представленія сей же самой трагедіи вЪ Версали подЪ исходЪ Февраля 1775 года, младый МонархЪ спрашивалЪ о сочинителѣ оной Г. Беллуа, и извѣстясь, что онЪ опасно боленЪ, поручилЪ Герцогу д'ОмонЪ, своему КамерЪ-Юнкеру, дать ему пятьдесятЪ ЛуидоровЪ, и имѣть возможное стараніе о его излѣченіи. 1775 года вЪ день открытія зрѣлищЪ вЪ Парижѣ на ИталіянскомЪ театрѣ играна была опера, *Дезертеръ*; и лишЪ только Монтосіель пропѣлЪ: *да здраствуетъ Король*, всѣ зрители вЪ партерахЪ и ложахЪ повторили громогласно слова его; потомЪ актерЪ прибавилЪ, *да здраствуетъ Королева*, и сіе повторено было всѣми единодушно.

Вѣ тотѣ же самой день на театрѣ Французскомѣ, зрители весьма удачно приноровивѣ кѣ себѣ послѣдній сей стихѣ вѣ трагедіи *Гераклій*: *покажите Гераклія народу его ожидающему*, многократно ему сплескали, какѣ будто бы тѣмѣ изъявляя желаніе народа видѣть новаго своего Государя.

Одинѣ капитанѣ корабля отправившійся изѣ Бурдо, и по несчастію претерпѣвшій кораблекрушеніе при одномѣ изѣ острововѣ Бизагскихѣ весьма много пострадалѣ сѣ спасшимися отѣ потопленія своими служителями отѣ жестокости Негровѣ. Изѣ сей несноснѣйшей неволи онѣ имѣлѣ наконецѣ счастіе возвратиться во Францію. Но какѣ онѣ оставилѣ между Неграми семь человѣкѣ изѣ своихѣ матросовѣ; то радость его о возвращеніи своемѣ во отечество была непрестанно возмущаема воспоминаніемѣ о сихѣ несчастныхѣ своихѣ спутникахѣ. Дофинѣ и супруга его извѣстясь о несчастіяхѣ сего мореходца, приложили все свое стараніе о освобожденіи оставшихся семи матросовѣ. Рошельской купецѣ Накранѣ, помогающій сей Августѣйшей четѣ вѣ благотвореніяхѣ достойно соотвѣтствовалѣ

толь похвальному ихЪ намѣренію. ОнЪ иждивеніемЪ своимЪ снарядилЪ два судна, на коихЪ кЪ счастію и возвращены во Францію четверо изЪ сихЪ плѣнниковЪ, ибо остальные предЪ тѣмЪ умерли. Какое прекрасное, какое величественное дѣяніе, искать несчастныхЪ за предѣлами морей! Говорятъ: благополучны народы управляемые ГосударемЪ ФилософомЪ! но я справедливѣе скажу: счастливы народы управляемые ГосударемЪ благотворительнымЪ.

ЗдѣсЬ кЪ стати прочитать письмо писанное ДофиномЪ кЪ Аббату Терраю на канунѣ смерти Лудовика XV. — „ГосподинЪ ГенералЪ Казначей, прошу васЪ роздать немедлѣнно двѣсти тысячь франковЪ бѣднымЪ вЪ Парижѣ; пусть они молятЪ о здравіи Короля: естьли вамЪ покажется это сЪ лишкомЪ много, то вычтете сумму сію изЪ жалованья нашего.„

ЛудовикЪ АвгустЪ.

Спустя нѣсколько дней по возшествіи на престолЪ Лудовика XVI, подЪ изваяніемЪ Генриха IV усмотрѣно было Латинское слово: *Resurrexit*, то есть: *воскресЪ.*

ЛудовикЪ XVI вЪ первые дни своего царствованія при всей своей младости по-

чувствовалъ, что Государю необходимо нужны совѣты съ благоразуміемъ и опытностію. Пусть всякъ судитъ изъ письма писаннаго имъ къ Графу Морепѣ, коликое онъ имѣлъ попеченіе о счатіи Франціи. — „Къ истинному прискорбію моему, которое я раздѣляю со всѣмъ моимъ Королевствомъ, предлежатъ мнѣ великія должности. Я Король: сей титулъ заключаетъ въ себѣ много обязанностей; но мнѣ только двадцать лѣтъ отъ рожденія, и я не имѣю потребныхъ свѣденій. Увѣренъ будучи о вашей честности и вашемъ правовѣденіи, прошу васъ не оставить меня вашими совѣтами. И такъ пріѣзжайте ко мнѣ, какъ вамъ возможно будетъ, поскорѣе.„

Лудовикъ.

Лудовикъ XVI будучи перьвой разъ въ совѣтѣ, которой онъ по смерти Августѣйшаго своего дѣда имѣлъ въ Шуази, сказалъ слѣдующія достопримѣчательныя слова: „Всѣ мои желанія заключаются въ томъ одномъ, что бы народъ здѣлать благополучнымъ.„

Спустя нѣсколько времени по возшествіи своемъ на престолъ, онъ обьявилъ Графу Морепѣ, что имѣетъ намѣреніе

исправить многія злоупотребленія, и особливо нравы, и спрашивалъ у него, какія бы по его мнѣнію средства для преуспѣянія въ семъ были надежнѣе. Министръ сей отвѣтствовалъ: — „Ваше Величество, до исполненія сего препохвальнаго предпріятія, можно достигнуть помощію доносчиковъ, или нѣкотораго рода инквизиціи; но сія дорога будучи неизвѣстна сама по себѣ, можетъ отворить пространныя врата подлому ласкательству, ухищреніямъ и ябедѣ. Но есть еще два другіе способа достойнѣйшіе Вашего Величества, дѣйствительнѣйшіе и удобнѣйшіе: примѣръ и награда добродѣтели. — Ну, такъ я сихъ буду держаться, примолвилъ тогда Король.„

Пребываніе, которое сей доброй Государь съ начала своего царствованія имѣлъ въ замкѣ Мюетскомъ, привлекло въ Пасси ближайшую деревню, великое множество народа. Его Величество увѣдомясь, что въ случившійся тогда церковный праздникъ, одинъ тамошній хлѣбникъ по причинѣ великаго стеченія людей, продавалъ хлѣбъ свой дороже цѣны положенной, потребовалъ его къ себѣ, и сдѣлавъ ему достойной выговоръ за такое мошенниче-

ство, осудилъ его заплатить шесть сотъ ливровъ пени.

Сей Государь прогуливаясь однажды въ окрестностяхъ Шуази, спросилъ у крестьянина, которой его со всѣмъ не зналъ, какъ дорогъ хлѣбъ: на сіе получилъ въ отвѣтъ, что фунтъ стоитъ нынѣ больше трехъ су: — „О! ето сълишкомъ дорого, сказалъ тогда Монархъ; я постараюсь доставить Французамъ хлѣбъ за сходнѣйшую цѣну.„ Онъ сказалъ, и немедлѣнно самымъ дѣломъ исполнилъ свое слово.

Въ одно время, когда народъ желая видѣть поближе своего новаго Короля и младую Королеву, тѣснился около кареты Ихъ Величествъ наступая на тѣлохранителей, кои его отгоняли, Король сказалъ: „Оставте, оставте сихъ бѣдныхъ людей, они не имѣютъ намѣренія намъ зло здѣлать.„ А Королева съ другой стороны говорила: — Вы имѣете удовольствіе насъ видѣть, и мы равномѣрно ощущаемъ оное видя ваше усердіе.„

Лудовикъ XVI. возшедъ на престолъ ознаменовалъ благотвореніемъ начало сво-

его царствованія. Первая на сей степени его поступь была та, что онъ отрекся отъ права называемаго *всерадостное возшествіе* (*Joyeux avenement*). И сія отеческая любовь его къ подданнымъ, избавила ихъ отъ знатной подати. Чувствованія, коими онъ всегда одушевленъ былъ; изъявлены въ Манифестѣ о возшествіи на престолъ Французской, новаго ихъ Монарха.

Въ самой тотъ день, въ которой Король обнародовалъ сей Манифестъ, у одного частнаго человѣка родился сынъ. Сей нѣжной отецъ, (разумѣется частной человѣкъ) нарекъ сына своего Лудовикомъ, и выпись изъ книги о крещеніи младенца поставилъ за стекло въ одинакихъ рамахъ съ Манифестомъ Королевскимъ, надписавъ большими буквами слѣдующія слова: „30. Маія 1774 года, день приснопамятной, въ которой Лудовикъ XVI намъ обѣщалъ счастіе, родился быть счастливымъ Лудовикъ N.....„

И какъ Королева въ семъ Манифестѣ отказывалась такъ же отъ права называемаго *поясъ Королевинъ* (*la centure de la Reine*), то Графъ Кутурель здѣлалъ слѣдующіе стихи сей Государынѣ:

Обожаемая Владычица, Вы отрицаетесь
Наилучшаго изъ Вашихъ доходовъ;

Да и къ чему бы послужилъ вамъ поясъ Королевинъ,
Когда сама Венера отдала Вамъ свой собственной.

Въ началѣ сего Манифеста о всерадостномъ на престолъ возшествіи находятся слѣдующія достопамятныя слова, коихъ истинну подтвердили въ разныя времена по томъ послѣдовавшія Економическія учрежденія. — „Есть расходы касающіеся собственно до нашего лица и до великолѣпія двора нашего: и сими-то мы можемъ располагать по нашей волѣ; въ разсужденіи чего и помышляемъ уже о средствахъ, какъ бы привести оные въ умѣреннѣйшіе предѣлы. Таковыя пожертвованія намъ ничего не будутъ стоить, коль скоро могутъ онѣ послужить къ облегченію нашихъ подданныхъ; ихъ блаженство созиждетъ нашу славу; и добро, какое только мы можемъ имъ доставить, будетъ сладчайшею наградою за наши труды и попеченія.„

Королева, когда Лудовикъ XVI былъ еще Дофиномъ, изъявляла желаніе имѣть свой особливой увеселительной домъ. Его Величество зная все сіе, коль скоро Королемъ учинился, сказалъ ей: — „Государыня, я теперь въ состояніи удовлетворить

вашему желанію. Прошу васъ взять собственно для вашего употребленія большой и малой Тріанонъ. Сіи прекрасныя мѣста были всегда пребываніемъ любимицъ Королевы, и такъ онѣ по всему праву должны быть вашими.„ Королева благодарила его за сей подарокъ, и смѣючись сказала своему супругу, что возметъ себѣ одинъ малой Тріанонъ, и то съ тѣмъ, что бы онъ туда перьвой разъ безъ приглашенія ея не пріѣзжалъ. И такимъ образомъ получивъ сей замокъ, переименовала его *малою Вѣною*, украсила на Аглинской вкусъ садами, но болѣе еще своими благодѣяніями. Въ долинѣ прилежащей оному, повелѣла она выстроить слободу, въ коей поселила двѣнадцать бѣдныхъ семействъ. Сію прекрасную Вѣну употребила она прежде всего на то, что приняла въ ней Августѣйшаго своего супруга со всею Королевскою фамиліею, и угощала его не такъ пышнымъ, какъ пріятнымъ обѣдомъ.

1775 года Маія 8. Бурбонскіе Штаты собрались въ главный городъ сея губерніи. Принцъ Конде по открытіи засѣданія говорилъ прекрасную рѣчь, въ которой онъ искусно и справедливо похвалялъ новаго Монарха, и изъ которой можно привести

здѣсь слѣдующее: — „Возможно ли намъ не питать себя сладчайшею надеждою, видя двадцатилѣтняго Государя, которой уменьшаетъ свои забавы въ такомъ возрастѣ, когда умножать оныя простительно; которой любитъ истинну будучи на такой степени, на коей и защищать оную вмѣняется за достоинство; которой правосудію воздаетъ все его сіяніе; которой не имѣетъ другой страсти, кромѣ любви къ пользѣ общественной, и которой неусыпно трудится во всемъ томъ, чего не имѣлъ еще времени разпространить, и что утвердить надѣется? Но мы обрѣтаемъ новыя побужденія довѣренности въ его любви къ Королевѣ, коей младость украшаетъ ея добродѣтели, и коей благотворительная душа возвышаетъ всѣ внѣшнія прелести....„

Въ исходѣ Генваря 1776 года во Франціи была столь великая стужа, какой тамъ нѣсколько уже вѣковъ не бывало. Случившаяся 1709 года въ сравненіи съ сею почти ничто; ибо тогда ртуть въ термометрѣ опустилась только на 15 градусовъ ниже точки замерзанія, а въ сію 1776 года стужу, опустилась она до шестнадцати градусовъ съ половиною

ниже нуля. Въ продолженіе сея зимы Король весьма часто самъ ходилъ по улицамъ Версальскимъ, дабы видѣть, исправно ли выдаютъ дрова, которыя ради бѣдныхъ приказалъ жечь въ разныхъ частяхъ города. По наступленіи жестокихъ морозовъ Лудовикъ XVI по врожденному своему человѣколюбію повелѣлъ снять караулы въ Версаліи и около Дворца часовыхъ не ставить; бѣднымъ позволилъ онъ входить въ оный; они грѣлись на кухняхъ, получали пищу и брали съ собою разженное уголье. Толь же хорошо они принимаемы были и въ другихъ мѣстахъ. Его Королевское Величество приказалъ, что бы ему, когда онъ проходитъ мимо, не отдавали чести; онъ выходилъ всякой день съ малою свитою и гулялъ по улицамъ, дабы подать помощь требующимъ.

Съ симъ человѣколюбнымъ намѣреніемъ прогуливаясь Лудовикъ XVI однажды встрѣтился съ мальчикомъ, которой попросилъ у него милостыни: — „А что ты здѣлаешъ съ деньгами, естьли я тебѣ ихъ дамъ, спросилъ Монархъ? — Ахъ! Баринъ, отвѣчалъ бѣдный мальчикъ, я ихъ отнесу къ бѣдному отцу моему, которой уже нѣсколько дней боленъ и теперь лежитъ при смерти: у насъ нѣтъ ни дровъ, ни хлѣба. — „ Королю хотѣлось узнать,

правду ли говорилъ сей мальчикъ. Онъ велѣлъ ему проводить себя къ его отцу: Монархъ пришедъ въ самую убогую хижину, въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ разслабленнаго старика, лежавшаго на соломѣ и лишеннаго всѣхъ пособій въ такое время, когда самые богачи претерпѣвали отъ жестокости стужи. Государь съ исполненными слезъ очами поспѣшалъ подать помощь сему несчастному, приказалъ какъ можно скорѣе принести для него постелю, и снабдить всѣмъ, что только нужно было для услажденія его бѣдности.

Лудовикъ XVI будучи тронутъ жалкимъ состояніемъ бѣдныхъ обывателей Версальскихъ, въ ту же самую зиму, многократно велѣлъ для нихъ давать дрова безденежно. Однажды глядя на обозъ идущій съ сею нужною поклажею, придворнымъ своимъ собиравшимся въ то время ѣхать кататься на бѣгъ, сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: — „Господа, вотъ мои сани.„

Въ продолжительную и жестокую стужу случившуюся въ 1783 и 1784 годахъ, Король былъ еще чувствительнѣе къ нуждамъ бѣдныхъ жителей. Онъ своеручно писалъ къ Генералъ Казначею, что

уполномочиваетъ его подавать всякія пособія, какія только будутъ нужны для облегченія несчастныхъ; и однажды изустно сказалъ ему: — „У меня нѣтъ никакихъ расходовъ, коихъ бы я не сократилъ для нихъ, естьли то будетъ нужно.„

Королева съ своей стороны послала къ Г. Ноару пять сотъ луидоровъ изъ собственнаго своего кошелька, объявляя при томъ, что для сердца ея сія издержка всѣхъ другихъ пріятнѣе.

По случаю сея ужасныя стужи, которой продолженіе почти не имѣетъ примѣра въ лѣтописяхъ Французской Исторіи, Король освободилъ поселянъ отъ трехъ миліоновъ недоимковъ подати, и повелѣлъ имъ выдать для исправленія изъ казны своей еще три миліона.

Пирамида воздвигнутая 1784 года въ Генварѣ изъ снѣгу на улицѣ Сентъ-Оноре противъ воротъ Лувра была покрыта надписями прославляющими благотворенія Людовика XVI; и сіи надписи болѣе двухъ мѣсяцовъ пребыли невредимы подъ охраненіемъ народнымъ. Здѣсь слѣдуютъ изъ нихъ нѣкоторыя:

1.

Сей слабый памятникъ не долго продлится:
Твои щедроты, о Государь, въ сіи времена неблагополучныя

Лучше, нежели на мѣди, напечатанны во глубинѣ сердецъ:
Надежнѣйшій памятникъ, есть благодарность.

2.

Лудовикъ! бѣдные взысканные твоими благотвореніями
Не могутъ тебѣ инаго, какъ изъ снѣгу, воздвигнуть памятника.
Но онъ пріятнѣе отеческому твоему сердцу,
Нежели бы марморъ купленный хлѣбомъ нещастныхъ.

3.

Лудовикъ расторгшій узы Американскія,
Поправшій гордость Британцовъ,
Предъ глазами вселенныя безъ сомнѣнія есть величайшій;
Ибо десница его согрѣваетъ и питаетъ неимущаго.

И вотъ еще одна въ честь Королевѣ, изъявляющая всеобщее къ ней почтеніе:

Государыня, коея милость превосходитъ прелести,
Пребуди здѣсь вкупѣ съ Государемъ благотворительнымъ:
Естьли брененъ сей памятникъ изъ льду и снѣгу;
То не таковы къ тебѣ сердца наши.

Во время случившагося въ 1788 году великаго недостатка въ хлѣбѣ, который по всей вѣроятности произошелъ отъ

откупщиковѣ всякаго рода, и о которомѣ Король увѣдомившись сказалѣ, что естьли нужда заставитѣ нѣсколько времени печь хлѣбѣ смѣшанной изѣ пшеничной муки и ржаной по поламѣ, то, что бы всѣ на ровнѣ имѣ довольствовались, какѣ богатые, такѣ и бѣдные, и что онѣ самѣ будетѣ такой же употреблять при столѣ своемѣ.

Король день своего на царство помазанія ознаменовалѣ освобожденіемѣ нѣкоторыхѣ преступниковѣ. При семѣ можно видѣть, что поврежденіе нравовѣ человѣческихѣ отчасу болѣе распространяется; ибо при помазаніи Лудовика XV было только пять сотѣ прошеній, а вѣ помазаніе Лудовика XVI было ихѣ около пятнадцати тысячь. 9 Іюня 1775 года, Монархѣ прибылѣ торжественно вѣ Реймсѣ. Когда предѣ симѣ докладывали Его Величеству, не угодно ли ему будетѣ приказать по обычаю устлать коврами или сукномѣ тѣ улицы, по коимѣ ему шествіе имѣть надлежало. — „Со всѣмѣ етого не надобно, отвѣтствовалѣ онѣ; я не хочу того, что можетѣ препятствовать народу и мнѣ другѣ друга видѣть.„ — Такѣ говорилѣ добрый Генрихѣ VI. — „Не

должно полагать никакой преграды между моимЪ народомЪ и мною; не мЂшайте имЪ подходить ко мнЂ; они желаютЪ видЂть Короля своего.,,

ВЪ шествіи семЪ во первыхЪ Ђхалъ конной корпусЪ, а за нимЪ отрядЪ тЂлохранителей Губернатора, коего кареты равно какЪ и ПринцовЪ крови слЂдовали одна за другою, и вЪ коихЪ сидЂли главнЂйшіе ихЪ чиновники. За сими Ђхали двЂ кареты Графа д' Артоа, и двЂ Графа Прованскаго, сопровождаемыя тремя конными пикетами и двадцатью человЂками Ђздовыхъ. За ними шли двЂ роты мушкетеровЪ предводимыя своими Офицерами, за коими Ђхала одна карета изЪ свиты Королевской. По семЪ слЂдовалЪ отрядЪ ЛейбЪ-гусаровЪ предЪ каретою Королевскою, вЪ коей сидЂли Вельможи сЪ главными принадлежностями Короны. Оная карета сопровождалась ШталмейстеромЪ и двадцатью осмью рейтпажами. СихЪ заключали придворные Ђздовые по двое вЪ рядЪ, четыре ЛейбЪ-гусара Ђхавшіе фрунтомЪ, и три Шталмейстера такЪ же фрунтомЪ. НаконецЪ слЂдовала парадная карета Короля, вЪ коей сидЂлЪ Его Величество сЪ ГрафомЪ ПрованскимЪ, сЪ ГрафомЪ д' Артоа, сЪ ГерцогомЪ ОрлеанскимЪ, сЪ ГерцогомЪ Шартре и ПринцомЪ Конде; ПринцЪ

Бурбонскій ѣхалъ верхомъ въ достоинствѣ Губернатора въ сопровожаніи многихъ Принцовъ и Вельможей. По обѣимъ сторонамъ кареты Королевской было по четыре трубача и по двадцати осьми лакѣевъ съ ихъ чиновниками. У кареты по той сторонѣ, на которой сидѣлъ Его Величество, ѣхали два Стремянные; отряды тѣлохранителей и конной Гвардіи замыкали сіе торжественное шествіе.

Городъ Реймсъ для усердія своего Лудовику XVI приказалъ разломать Парижскія ворота, поелику они были недовольно пространны; а вмѣсто оныхъ вдѣлалъ великолѣпную желѣзную вызолоченую рѣшетку, которая пребудетъ памятникомъ славной епохи своего построенія.

Посреди одной изъ главныхъ улицъ Король проѣзжалъ тріумфальными воротами, воздвигнутыми въ честь его благотворенію. Въ концѣ той же улицы для прикрытія городскихъ воротъ, кои глазамъ не представляли ничего пріятнаго, выдумано было нѣкоторое зданіе въ шестьдесятъ футовъ длиною, представляющее купеческую биржу со всѣми признаками изображающими торговлю, разныя рукодѣлія, землепашество и мореплаваніе.

Королева не погнушалась вмѣстѣ съ народомъ смотрѣть шествія своего супруга,

и имѣла участіе во всенародныхъ моленіяхъ возсылаемыхъ о благоденствіи обожаемаго Государя.

Его Величество встрѣченъ былъ при вратахъ соборныя церкви Кардиналомъ Рошъ-Емономъ Архіепископомъ Реймскимъ во всемъ его облаченіи, множествомъ Епископовъ и прочаго Духовенства. Король тутъ поцѣловалъ Евангеліе, и Архіепископъ произнесъ къ Его Величеству слѣдующее слово: — „Государь, преемникъ Свят. Реми; я имѣю счастіе въ церкви его принять наслѣдника Кловисова. Прииди, Государь, по стопамъ его, подъ сіи священные своды, гдѣ благочестіе воспріяло его. Здѣсь онъ воспріялъ ту вѣру, которую предалъ своимъ преемникамъ: но вы приходите обѣщать покровительство тоя же самыя вѣры преданныя вамъ вашими предками. Онъ принесъ сюда нужныя качества для основанія Христіанскія державы: но вы приносите добродѣтели могущія украсить ея сіяніе. Всѣ онѣ заключаются въ любви порядка; но любовь порядка есть отличительное свойство Вашего Величества.„ По окончаніи сей рѣчи Король препровожденъ былъ въ церковь, гдѣ тотчасъ начался благодарственный молебенъ съ пушечною и ружейною пальбою: въ продолженіи котораго при-

несенѣ былѣ изѣ ризницы большой золотой сосудѣ превосходнѣйшей работы, предѣ симѣ пожалованный Королемѣ вѣ церьковь Реймскую.

Для любопытства читателей предложу здѣсь нѣкоторыя молитвы, кои при помазанiи Королей Французскихѣ обыкновенно читаются. — „Се нынѣ посылаю вамѣ моего ангела, хранителя вашего: естьли вы послушаете словесѣ моихѣ, и естьли соблюдете оныя, я буду врагѣ враговѣ вашихѣ, и поборю борющiя вы... Боже! ты вѣси, яко родѣ человѣческiй не можетѣ существовати собственною своею силою; подаждь сильную твою помощь Лудовику рабу твоему, его же ты предпоставилѣ царемѣ людемѣ твоимѣ, да возможетѣ и онѣ охранити тѣхѣ, ихѣ же ты ввѣрилѣ еси ему.„

„Преблагодатная Мати Божiя! моли за народѣ сына твоего, заступи православныя церкви, и сохрани иноки обоего пола.„

За молебномѣ слѣдовало благословенiе, послѣ котораго Король имѣлѣ шествiе великолѣпною покрытою галлереею, вѣ Архiепископскiй домѣ, прiуготовленный для его сѣ Королевою пребыванiя и убранный государственными мебелями. Драго-

цѣннѣйшіе уборы покоевъ называются *убором помазанія*, потому что они употребляются только при помазаніи Королей Французскихъ и короновании Королевъ. Сіи превосходныя художествъ произведенія хранимыя отъ временъ Франциска I состоятъ въ кровати, четырехъ креслахъ; осмнадцати стульяхъ, коврѣ, ширмахъ и балдахинѣ. Должно замѣтить, что кровать сія имѣла прежде семь футовъ восемь дюймовъ въ ширину, семь футовъ десять дюймовъ въ длину, и восемь футовъ съ половиною въ вышину. Но при помазаніи Лудовика XV сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ семъ старинномъ размѣрѣ, такъ что она нынѣ имѣетъ шесть футовъ въ ширину, семь въ длину и одиннадцать съ половиною въ вышину.

Между государственными сокровищами въ сей торжественный день употребляемыми, должно также упомянуть *и о церковной утвари Кардинала Ришелье*, такъ называемой для того, что она подарена симъ министромъ Лудовику XIII, въ день его помазанія, и хранится въ соборной церкви на престолѣ. Она вся изъ чистаго золота, осыпана алмазами, и такой превосходной работы, которой тайна нынѣ совсѣмъ не извѣстна. Золота въ оной утвари вѣсомъ четыреста двадцать семь

марковъ шесть унцій (*), а каменьевъ, триста пятьдесятъ пять рубиновъ и девять тысячь тринадцать алмазовъ.

Король по прибытіи своемъ въ Архіепископскій домъ былъ принятъ знатнѣйшимъ Духовенствомъ, Дворянствомъ и Депутатами отъ обществъ разнаго званія. Въ рѣчи, которою привѣтствованъ Его Величество отъ Губернскаго предводителя, слѣдующее наипаче достойно замѣчанія: — „Когда промыслъ предопредѣляетъ Государей къ назиданію всенароднаго благоденствія, то вся вселенная должна пещися токмо о счастіи ихъ самихъ. Почитаніе и покорность должныя сему священному званію, не составляютъ еще весь долгъ подданныхъ: къ сему потребна ихъ любовь, которая одна можетъ облегчить труды и попеченія нераздѣльно съ престоломъ сопряженныя.„

Нѣкоторыя изъ обществъ, кои имѣли честь привѣтствовать Его Величество, подносили ему при семъ случаѣ по обыкновенію лучшія произведенія земли своей. Примѣчанія достойно, что Духовенство Реймское издревле имѣетъ обычай подносить Королю въ даръ при помазаніи его

(*) 27 марковъ и 6 унцій составляютъ около 14 Французскихъ фунтовъ.

хлѣбъ въ корзинѣ. Городскіе подарки состояли въ двенадцати дюжинахъ бутылокъ вина Шампанскаго и въ трехъ корзинахъ съ наилучшими плодами.

10 числа Его Величество въ соборной церкви на повечеріи слушалъ канонъ помазанія. Послѣ чего Архіепископъ Езскій говорилъ рѣчь изъ слѣдующаго предложенія: *воцарится Царь, и премудръ будетъ и сотворитъ судъ и правду на земли.* По окончаніи сей прекрасной рѣчи Король препровожденъ былъ во внутреннія комнаты. Здѣсь отрекшись отъ всѣхъ пышностей и великолѣпія, онъ учинился человѣкомъ обыкновеннымъ, и съ благоговѣніемъ пріуготовлялъ себя къ Августѣйшему торжеству, которое имѣло быть наутріе. При семъ слѣдуетъ упомянуть вкратцѣ о украшеніяхъ церковныхъ, и подать нѣкоторое понятіе о той покрытой галлереи, которая отъ Архіепископскаго дома вела до самаго церковнаго притвора. Сія галлерея имѣла три ста шесть футовъ (*) въ длину, и осмнадцать въ ширину. Она была украшена множествомъ росписанныхъ сводовъ и прекрасною колонадою Дорическаго ордена.

(*) Французской футъ равенъ почти нашему Россійскому полуаршину.

Столбы внутрь церкви, равно какъ и стѣны были обиты наилучшими Королевскими обоями. Съ правой и лѣвой стороны было сдѣлано по четыре скамейки съ перегородками вышиною по груди, для народа жаждавшаго видѣть торжественное Короля шествіе. Своды церковные увѣшаны были паникадилами съ свѣчами.

Хоры были передѣланы и увеличены; они поддерживались на столбахъ Коринѳскаго ордена. Базаментъ въ дугѣ свода служилъ основаніемъ тѣхъ столбовъ, которые возвышались надъ мѣстами церковнослужительскими. Онъ былъ поддѣланъ подъ марморъ и снабженъ, равно какъ и столбы, всѣми украшеніями высокаго зодчества и превосходныя живописи. Между столбами подѣланы были особливыя мѣста простирающіяся до самаго олтаря, съ позолочеными перилами и внутри съ лавками постепенно возвышающимися. Сіи мѣста назначены были знатнѣйшимъ особамъ обоего пола. Большой жертвенникъ украшенъ былъ сукномъ, вышитымъ серебромъ и золотомъ съ гербами Франціи и Наварры, которое Король пожаловалъ въ церковь Реймскую; а ступени къ жертвеннику и хоры покрыты были наилучшими коврами. Подушки, на коихъ сидѣли особы приглашенныя на сію Авгу-

стѣйшую церемонію, были фіолетовыя бархатныя, вышитыя золотыми лиліями. По сторонамъ олтаря были два большія мѣста убранныя со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Съ правой стороны занимала Королева съ Принцессами Королевской фамиліи и знатнѣйшими дамами, а съ лѣвой Папскій посолъ и другіе посланники. Посреди церкви сдѣланъ былъ амвонъ съ двумя прямыми лѣстницами. Посреди амвона стоялъ тронъ Короля подъ балдахиномъ фіолетоваго бархату, поддерживаемымъ четырьмя столбами, обвитыми фіолетовымъ атласомъ, испещреннымъ золотыми лилеями.

Перы Свѣтскіе были одѣты въ длинныя золотаго глазета полукафтанья, и подпоясаны кушаками вышитыми золотомъ, серебромъ и фіолетовымъ шелкомъ. Сверхъ полукафтановъ сихъ имѣли они Герцогскія суконнныя мантіи фіолетовыя, подбитыя и обложенныя горностаемъ; круглой на мантіяхъ воротникъ былъ весь горностаевой; на головахъ короны, а на шеѣ ожерелья ордена Св. Духа сверхъ мантіи.

Въ Воскресенье 11 Іюня въ шесть часовъ по утру, когда все для церемоніи было пріуготовлено, монахи въ мантіяхъ пришедъ въ церковь заняли мѣста свои,

а за ними вскорѣ прибыли Архіепископъ Реймскій, Кардиналы и приглашенные Прелаты, Министры, Маршалы Французскіе, Штатскіе Совѣтники и депутаты отъ разныхъ обществъ. Каждой изъ нихъ занялъ назначенное себѣ мѣсто безъ всякаго замѣшательства.

Около шести часовъ съ половиною Свѣтскіе Перы собрались въ Архіепископскій домъ. Графъ Прованскій представлялъ Герцога Бургонскаго; Графъ д'Артоа Герцога Нормандскаго, а Герцогъ Орлеанскій Герцога Аквитанскаго. Прочіе старинные Перы Франціи, Графы Тулузскіе, Фландрскіе, Шампанскіе были представлены Герцогомъ Шартре, Принцомъ Конде и Герцогомъ Бурбонскимъ. У нихъ на головахъ были короны Графскія. Духовные Перы во время сей церемоніи были въ мантіяхъ и шапкахъ.

Около семи часовъ Епископы Ланскій и Бовесскій были отправлены къ Королю съ церемоніею. Они во всемъ своемъ служебномъ облаченіи слѣдовали за духовенствомъ Реймскимъ, при играніи огромной музыки. Уставщикъ съ помощникомъ своимъ шли предъ Оберъ-церемоніймейстеромъ Маркизомъ Дре, которой непосредственно предшествовалъ Епископамъ Ланскому и Бовескому. Они имѣли шествіе покрытою

галлерею до дверей Королевской комнаты, кои слѣдуя древнѣйшему обыкновенію, были тогда заперты. Уставщикъ стучалъ въ двери тростью: Оберъ-Камергеръ не отпирая дверей спрашивалъ сквозь оныя: *кого вамъ надобно?* — *Короля*, говоритъ одинъ изъ Епископовъ. *Король почиваетъ*, отвѣтствуетъ Оберъ-Камергеръ. Тогда уставщикъ начинаетъ стучать снова, при чемъ вопросъ и отвѣтъ тотъ же повторяются. Но когда постучалъ онъ въ третій разъ и Оберъ-Камергеръ сказалъ, что *Король почиваетъ*, то Епископъ присовокупилъ: *Мы ищемъ Лудовика XVI, котораго намъ Богъ въ Короли опредѣлилъ.* Тотчасъ двери были отворены, и Оберъ-церемоніймейстеръ подвелъ Епископовъ къ Его Величеству, которой дѣйствительно находился тогда на парадной постелѣ. Король одѣтъ былъ въ красной кафтанъ съ галунами, открытый равно какъ и рубашка его, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало его помазывать. Сверхъ кафтана сего была на немъ еще глазетовая мантія; на головѣ онъ имѣлъ родъ чернаго бархатнаго картуза съ бриліантовою лентою и перомъ. Архіепископъ подошедъ къ нему со святою водою читалъ слѣдующую молитву: — „Всемогущій и превѣчный Боже! ты, поставивый

на царство раба твоего Лудовика, даруй ему силу творити добро людемЪ своимЪ во дни царствованія его, и не попусти уклонятися ему отЪ стезей правды и истинны.„ По окончаніи сей молитвы два Епископа взяли Его Величество подЪ руки, и поднявЪ его сЪ постели проводили вЪ церковь покрытою галлереею, и пѣли при томЪ нѣкоторые священные стихи.

Когда Король прибылЪ вЪ церковь, и всѣ заняли назначенныя себѣ мѣста, тогда вскорѣ принесена была вЪ оную скляница сЪ мvромЪ. Ее привезЪ великій ПріорЪ изЪ игуменства св. Реми на бѣлой придворной лошади, которую подЪ усцы вели два шталмейстера, и которая была покрыта глазетовымЪ чепракомЪ шитья пребогатаго. ПріорЪ сидѣлЪ подЪ балдахиномЪ такой же матеріи, несомымЪ четырьмя Баронами весьма великолѣпно одѣтыми. По всѣмЪ четыремЪ угламЪ балдахина ѣхали верхами знатные вельможи, изЪ коихЪ предЪ каждымЪ былЪ ѣздовой со знакомЪ, представляющимЪ на одной сторонѣ гербы Франціи и Наварры, а на другой гербы домовЪ ихЪ.

По принесеніи сея мvрницы АрхіепископЪ Реймскій встрѣтивЪ ее на паперти церковной, принялЪ вЪ самыхЪ дверяхЪ, снесЪ вЪ олтарь и поставилЪ на жерт-

венникѣ. Спустя нѣсколько подошелъ онъ къ Королю, и Его Величество читалъ всенародно слѣдующую присягу: — „Я обѣщаюсь, сколько можно, препятствовать людямъ всякаго чина и званія дѣлать хищенія и неправды, какія бы то ни были: Клянусь искренно и всею моею властію истребить изъ владѣній моихъ еретиковъ осужденныхъ церковію.„ По семъ два Архіепископа представили Короля собранію и вопрошали оное, желаетъ ли оно Лудовика XVI имѣть Королемъ Франціи; всеобщее на сіе согласіе изъявлено было почтительнымъ молчаніемъ. Тогда Архіепископъ поднесъ Королю Евангеліе, на которое Его Величество положивъ обѣ руки присягалъ правленію, и въ томъ, что будетъ поддерживать и хранить ордены Святаго Духа и Св. Лудовика, что всегда будетъ носить крестъ сего послѣдняго, и что никого за преступленіе указа о поединкахъ отъ наказанія освобождать не будетъ. Тутъ препоясали его мечемъ Карла Великаго. За симъ слѣдовали многія молитвы. Архіепископъ приготовивъ муро повергся съ Королемъ предъ жертвенникомъ на колѣни, а прочіе Епископы пѣли между тѣмъ нѣкоторые приличные сему священные стихи. По окончаніи молитвъ Архіепископъ помазывалъ

мѵромъ Королю чело, грудь, рамена, плеча, локти и длани, читая при томъ божественныя молитвы. Послѣ помазанія переодѣли его въ превеликолѣпное одѣяніе подобное священническому, и надѣли ему кольцо на четвертый перстъ правой руки, въ знакъ силы и единодушнаго согласія между Королемъ и народомъ. Послѣ сего Архіепископъ взявъ съ жертвенника Королевскій скипетръ подалъ его Королю въ правую руку, а въ лѣвую жезлъ правленія. Скипетръ сей былъ золотой съ емалью и съ восточнымъ жемчугомъ, около шести футовъ вышиною. На немъ изображенъ былъ Карлъ Великій съ державою въ правой рукѣ, сидящимъ на престолѣ украшенномъ двумя львами и двумя орлами. Жезлъ правленія былъ также золотой, въ полтора фута вышиною. Украшенъ рубинами и жемчугомъ и оканчивался въ верьху слоновою костью, въ трехъ мѣстахъ обвитъ гирландами, кои всѣ блистаютъ жемчугомъ, гранатами и другими драгоцѣнными каменьями.

Хранитель печати Франціи отправляющій должность Канцлера стоя въ олтарѣ лицемъ къ хорамъ призывалъ Перовъ для коронованія слѣдующимъ образомъ: — „Кто представляетъ Герцога Бургонскаго, да приступитъ къ соверше-

нію сего дѣянія и проч.„ — Когда Перы королевства приближились къ Королю, то Архіепископъ Реймскій взявъ съ жертвенника корону Карла Великаго, возложилъ ее на главу Короля, а Перы духовные и свѣтскіе подняли руки, какъ бы ее поддерживая. Корона Карла великаго хранится въ ризницѣ игуменства св. Діонисія; она вся золотая, осыпана рубинами, сапфирами и жемчугомъ восточнымъ.

Послѣ всѣхъ сихъ обрядовъ Архіепископъ Реймскій взявъ Короля подъ правую руку въ сопровожденіи Перовъ и всѣхъ знатныхъ чиновниковъ государства, возвелъ его на возвышенной тронъ посреди амвона, и посадилъ его на ономъ чтшая приличныя сему молитвы, по окончаніи коихъ Прелатъ снялъ свою шапку, сдѣлалъ почтительнѣйшій поклонъ Государю и поцѣловалъ его говоря: *да здраствуетъ Король во вѣки.* Всѣ Перы Духовные и Свѣтскіе цѣловали Короля также одинъ за другимъ, и коль скоро они опять вступили на свои мѣста, тотчасъ отворены были церковныя двери. Народъ не успѣлъ и войти, какъ вдругъ раздались по всей церкви восклицанія: *да здраствуетъ Король.*

Между тѣмъ какъ всюду отзывались радостные клики, птичники слѣдуя древнѣйшему обыкновенію, выпустили въ цер-

кви великое множество птицъ, которыя возвращеніемъ своея свободы знаменовали изліяніе на народъ милостей Монаршихъ, и что люди никогда не могутъ быть такъ свободны, какъ въ царствованіе Государя просвѣщеннаго, справедливаго и благотворительнаго. Градская крѣпость возвѣстила торжество сіе многими пушечными выстрѣлами; полки гвардіи и другіе разставленные на площади и вокругъ церкви отвѣтствовали на сіе тройнымъ залпомъ изъ ружей. Въ продолженіи всеобщихъ восклицаній *да здраствуетъ Король*, провозвѣстники на хорахъ и внизу раздавали золотыя и серебряныя медали, выбитыя на случай коронованія, на коихъ съ одной стороны представлено было грудное изображеніе Короля съ надписью: *Ludovicus XVI, Rex Christianissimus*; (Лудовикъ XVI, Король Христіаннѣйшій); а съ другой его помазаніе съ надписью: *Deo conservatori*; (Богу хранителю) внизу же: Реймсъ, 11 Іюня 1775 года. Медали сіи разсыпаемы были щедрою рукою: но многіе зрители бывъ нечувствительны къ сей щедротѣ пребыли неподвижны, и старались только что бы Короля не потерять изъ глазъ своихъ. — „Мы его видимъ, восклицали они, а въ другомъ что намъ нужды?

Злато тогда въ первой только можетъ быть разъ не возъимѣло своего дѣйствія. Солдаты и тѣлохранители желая соблюсти свою должность и мѣста, какъ храбрымъ надлежитъ воинамъ, видѣли оное падающимъ округъ себя и на нихъ. Они стряхивали его съ платья своего, и отдавали народу, не пользуясь сами.

Потомъ пѣли благодарственной молебенъ при гласѣ преогромной музыки, при звонѣ колокольномъ и при пальбѣ пушечной. По окончаніи сего Архіепископъ Реймскій началъ пѣть обѣдню, и Его Величество сошедъ со трона для слушанія божественной службы, подарилъ Архіепископу кошелекъ краснаго бархату вышитой золотомъ съ тринадцатью золотыми медалями, также два хлѣба, одинъ серебреной, а другой золотой и большой вызолоченой сосудъ съ виномъ. По семъ онъ возвратился опять на тронъ, а служба между тѣмъ продолжалась.

По совершеніи службы Король сошедъ съ трона ко причащенію, сталъ предъ жертвенникомъ на колѣни и Архіепископъ Реймскій причастилъ его; во время причащенія воздухъ поддерживали два Королевскіе брата и два Пера Духовные.

Архіепископъ снялъ съ него корону Карла Великаго и возложилъ другую по-

легче, осыпанную драгоцѣннѣйшими бриліантами. Первая отдана была Маршалу Франціи, который несъ ее предъ Королемъ, когда Его Величество возвращался изъ церкви, (сіе было около двенадцати часовъ) покрытою галлереею въ домъ Архіепископскій.

Торжественный обѣдъ происходилъ въ Архіепископскомъ большомъ залѣ. Столъ Королевской поставленъ былъ на нѣкоторомъ возвышеніи о четырехъ ступеняхъ подъ фіолетовымъ бархатнымъ балдахиномъ, вышитымъ золотыми лиліями. Столы для Перовъ Духовныхъ и Свѣтскихъ поставлены были по сторонамъ зала въ соразмѣрномъ разстояніи. По концамъ сихъ двухъ столовъ были еще два другіе, одинъ по правую руку для хранителя государственной печати, для Папскаго посла и приглашенныхъ посланниковъ, а другой по лѣвую для Оберъ-Камергера и другихъ вельможей. Съ лѣвой стороны стола Королевскаго сдѣлано было возвышенное мѣсто, откуда Королева съ Королевскою своего пола фамиліею и Статсъ-Дамами смотрѣла на торжество сіе.

Лудовикъ XVI, въ первой день своего на царство помазанія, которое ради при-

личнаго торжеству сему великолѣпія и ради многихъ обрядовъ требовало продолжительнаго бодрствованія, хотѣлъ нѣсколько успокоиться; но донесли ему, что народъ еще его видѣть желаетъ. Онъ вдругъ забылъ свою усталость и вышелъ въ покрытую галлерею; восхищенный народъ самъ собою раздался по обѣ стороны. Младый Монархъ безъ тѣлохранителей, безъ провожатыхъ, и только съ Королевою, долгое время прохаживался посреди толпы народной, позволяя однимъ себя трогать, другимъ преклонялъ свое ухо, инымъ онъ отвѣчалъ съ ласковостію, для другихъ останавливался, естьли кто сказать что нибудь хотѣлъ ему. — Придворные чиновники и вельможи тщетно искавъ его въ царскихъ чертогахъ, наконецъ нашли его съ Королевою посреди народа. Они боясь, что бы Король не ослабѣлъ отъ понесенныхъ имъ въ сей день трудовъ и усталости представляли ему, что бы онъ принялъ покой: — „Ахъ! сказалъ имъ тогда изящный Государь сей, что я вижу, что слышу, служитъ мнѣ облегченіемъ. Для чувствительнаго отца, нѣтъ лучшаго покоя, какъ въ нѣдрахъ дѣтей своихъ.„

На другой день мvропомазанія Король избранъ былъ Гросмейстеромъ ордена Св. Духа, и поздравленъ отъ Кавалеровъ и Командоровъ, изъ коихъ оный составленъ. Церемонія сія совершалась въ тойже соборной церкви, гдѣ совершалось мvропомазаніе, и гдѣ находились всѣ украшенія во время онаго бывшія, кромѣ того, что Королевской тронъ и олтарь были обвѣшаны принадлежностями ордена, гдѣ мѣсто каждаго Кавалера было означено его гербомъ. Королева же, Принцессы, придворныя Дамы и послы имѣли мѣста особливыя. Въ разсужденіи сей церемоніи достойно примѣчанія то, что Кавалеры служатъ тутъ сами вечерню, и что по обычаю должны дѣлать множество поклоновъ съ колѣнопреклоненіемъ, отъ чего и самъ Король не освобождается. Наконецъ для изъявленія своего почитанія становятся они на колѣни предъ Его Величествомъ и цѣлуютъ его руку.

Какъ уже въ обыкновеніе введено, что Короли Франціи послѣ мvропомазанія должны ѣхать верьхомъ въ Игуменство Св. Реми, то для сего и назначено было 14 число Іюня. При началѣ одной улицы, по коей проѣзжалъ Его Величество, былъ воздвигнутъ величественный памятникъ, сколь благородный, столько же и остро-

умный. Его составлялъ жертвенникъ посвященный вѣрности, который тотчасъ обратилъ на себя взоры всѣхъ Французовъ. Онъ представлялъ три лица, изъ коихъ на всякомъ было по одному прекрасному иносказательному изваянію съ Латинскою надписью таковаго содержанія. —„Сенатъ и народъ Реймскій сознающій къ себѣ любовь Лудовика Августа, коея уже онъ явилъ толикіе опыты Французамъ, въ восторгѣ своея признательности воздвигли сей жертвенникъ вѣрности, въ тотъ самый день, въ которой онъ торжественно далъ клятву любить ихъ вѣчно. Да послужитъ жертвенникъ сей памятникомъ повиновенія подданныхъ и особливой ихъ преданности: 1775 года.„— Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сего памятника посреди весьма длинной стѣны, ограждающей убѣжище посвященное бѣдности, представленное въ видѣ величественнаго вала, воздвигнутъ былъ кругообразный жертвенникъ, названный *жертвенникъ состраданія*, окруженный великимъ множествомъ несчастныхъ, просящихъ по видимому помощи. Тридцать мальчиковъ, изъ коихъ старшему, казалось, не болѣе четырехъ лѣтъ, были изображены въ группѣ (*)

(*) У живописцовъ и особливо скульпторовъ групою

близь самаго жертвенника, украшеннаго гирландами изЪ цвЪтовЪ. ДЪти представлявшіе собою поразительнЪйшее глазамЪ зрЪлище, имЪли вЪ рукахЪ цвЪты, кои они бросали подЪ ноги Его Величества, соединяя слабый свой голосЪ сЪ гласомЪ всенароднымЪ наполнявшимЪ воздухЪ именемЪ Короля своего. Вдоль базамента (основаніе строенія) видно было по десяти дЪвочекЪ, и подлЪ всякаго оныхЪ десятка по одной монахинЪ. Вторые ряды составлены были изЪ четырехЪ сотЪ престарЪлыхЪ обоего пола. ПамятникЪ сей возвЪщающій мысли народныя о душЪ младаго Монарха, которому дерзнули представить картину бЪдности, былЪ увЪнчанЪ всежелаемымЪ успЪхомЪ. Король обращалЪ на оный свое вниманіе, какЪ впредь, такЪ и обратно проЪзжая. Его Величество подалЪ великую помощь жилищу сему, да и придворныя дамы поставляли себЪ за пріятнЪйшій долгЪ подражать его примЪру благотворенія, такЪ что зодчаго Г. Дуана по представленіи имЪ сей трогательной картины прозвали *строителемъ сердецъ.*

называется представленіе многихЪ предмЪтовЪ такЪ, что глазЪ ихЪ однимЪ взоромЪ озираетЪ,

Короля принялѣ во вратахѣ Игуменства Св. Реми великій Пріорѣ, предшествующій всему иноческому чину вѣ мантіяхѣ. Онѣ при семѣ говорилѣ рѣчь сколько краснорѣчивую, столько и чувствительную. Вѣ ней примѣчанія достойно слѣдующее:— ,,Царствовать единственно для увѣнчанія правосудія; содержать желанія свои вѣ тѣснѣйшихѣ предѣлахѣ, нежели какія имѣетѣ власть сѣдящая на престолѣ; являть могущество свое людямѣ едиными благотвореніями; ревновать паче о имени отца отечества, нежели о громкомѣ титлѣ завоевателя, и быть менѣе чувствительну кѣ восклицаніямѣ, сопровождающимѣ тріумфы, нежели кѣ благословеніямѣ народа утѣшаемаго вѣ своей бѣдности; есть совершенный образецѣ Государя достойнаго царствовать; есть, Государь, отличительнѣйшее и истиннѣйшее изображеніе Вашего Величества; есть изображеніе того, коего всѣ черты живо напечатлѣнны вѣ повелѣніяхѣ изшедшихѣ отѣ Монаршаго Твоего престола, со времени на оный возшествія.,,

Послѣ сего Его Величество исполнивѣ благочестивыя свои должности кѣ Богу, пошелѣ вѣ садѣ принадлежащій сему Игуменству, гдѣ было собрано двѣ тысячи четыре ста страждущихѣ *лихою болѣз-*

нїю (*) будучи разставлены по аллеямъ съ нетерпѣливостїю ожидали его прибытїя. Извѣстно, что Королямъ Французскимъ вскорѣ по ихъ помазанїи приписываютъ силу исцѣлять такихъ зараженныхъ единымъ къ нимъ прикосновенїемъ. Король съ непокровенною главою прикасался имъ изображая на лицѣ всякаго крестное знаменїе съ произношенїемъ слѣдующихъ словъ: *прикосновенїемъ Короля Богъ даруетъ тебѣ изцѣленїе*; при семъ раздаваема была имъ милостыня. Блескъ и величество окружавшїя престолъ не возпрепятствовали Королю видѣть всю крайность бѣдности и немощей человѣческихъ. Помогать человѣчеству было первѣйшее его удовольствїе. Ахъ коль оно сладко для души чувствительной, просвѣщенной и права человѣчества цѣнить умѣющей! Но обратимся къ нашему повѣствованїю— Въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивался послѣднїй рядъ больныхъ, стояли три начальника;

(*) *Les ecrouelles*; по Россїйскїй называютъ болѣзнь сїю *жабою*, *гусеницею* и индѣ *лихою*. Во Францїи она весьма обыкновенна, прилипчива и почитается неизлѣчимою, съ начала бываетъ на мѣстахъ желѣзистыхъ, и особливо на шеѣ: но наконецъ разпространившись по всему тѣлу покрываетъ оное ранами.

каждой изъ нихъ держалъ между двумя золотыми тарелками салфетку мокрую и сложенную, которыми Король по совершеніи сего обряда вытиралъ себѣ руки (*). Первая была намочена уксусомъ, другая простою водою, а третья благовонною; онѣ были подаваны ему первыми Принцами крови. Присудствіе младаго Монарха подававшаго Государству наилестнѣйшую надежду, восхитило радостію сердца несчастныхъ, видѣвшихъ къ себѣ

(*) Можетъ быть, что обрядъ сей покажется читателемъ не очень согласнымъ съ нынѣшнимъ вольнодумствомъ Французовъ. Въ семъ я неспорю; однако не льзя отрицать, что бы онъ не заключалъ въ себѣ болѣе полезнаго и добраго, нежели худаго. Естьли только мы положимъ, что больные, какъ то сему и дѣйствительно быть надлежитъ, имѣютъ несомнѣнную надежду исцѣлиться прикосновеніемъ Королей, то не можемъ совсѣмъ отрицать плодовъ сея ихъ вѣры и надежды. Воображеніе имѣетъ преудивительное вліяніе на тѣло наше.— А сверхъ сего милости и присудствіе обожаемаго Монарха чего не возмогутъ въ тѣхъ, кои считали себя оставленными, забытыми, презрѣнными? Естьли не послѣдуетъ здѣсь совершеннаго изцѣленія, то можетъ произойти утѣшеніе и удовольствіе на долгое время. Повѣствуемое здѣсь между прочимъ служитъ сему доказательствомъ.

прикосновеніе Его Величества, и они другъ предъ другомъ поспѣшали къ нему приближаться. Тщетно хотѣли отогнать людей обезображенныхъ, коихъ едино воззрѣніе раждаетъ ужасъ. Король возпротивясь въ семъ случаѣ усердію къ себѣ своихъ тѣлохранителей, сказалъ сіи достопамятныя слова: — „Не троньте ихъ! вить они люди; они такія же имѣютъ права, какъ и всѣ прочіе.„

Новое дѣяніе окончило и увѣнчало всѣ обряды мvропомазанія; и оный день можно назвать *днемъ благотворенія.* Король повелѣлъ выпустить на волю всѣхъ преступниковъ заключенныхъ въ темницахъ Реймскихъ. Сіе освобожденіе совершилъ Архіепископъ Кардиналъ Рошъ-Емонъ. Онъ самъ ходилъ по всѣмъ градскимъ темницамъ, изъ коихъ выведши и собравъ вмѣстѣ заключенныхъ говорилъ имъ весьма трогательнымъ образомъ, дабы они поведеніемъ своимъ старались заслужить милость дарованную имъ Королемъ ихъ, и вспомоществованія, кои онъ повелѣлъ дѣлать имѣющимъ въ оныхъ нужду. Сей Кардиналъ шелъ въ провожаніи всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ расторгъ узы, и коихъ числомъ было сто двенадцать; они старались изъявить первыя движенія своея благодарности, восклицаніями; *да здраствуетъ*

Король, коими они наполнили всѣ окрестности пребыванія Его Величества. Послѣ сего каждому изъ нихъ дано по двадцати четыре ливра.

Въ тотъ же самый день вечеромъ Лудовикъ XVI вздумалъ прогуляться одинъ безъ всякихъ другихъ провожатыхъ, кромѣ любви своего народа. Онъ часто принужденъ былъ ждать, пока народъ посторонится: и какъ офицеры хотѣли оной отгонять: — „Не трогайте ихъ, сказалъ Король, не препятствуйте имъ въ усердіи ихъ и желаніи, чтобъ меня видѣть.„

Точно также говорилъ Генрихъ IV идучи въ соборную церьковь въ Парижѣ, когда народъ со всѣхъ сторонъ окружилъ его, и когда начальники стражи хотѣли оной пораздвинуть, дабы дать ему свободной ходъ: — Нѣтъ, сказалъ онъ, я лучше хочу принять безпокойство, только чтобъ они меня видѣли, какъ имъ хочется.„

Одна женщина изъ толпы народной подошедъ къ одному изъ тѣлохранителей Королевскихъ просила его, что бы показалъ ей Короля; Королева услышавъ сіе подошла къ ней, взяла ее за руку, и подведши къ Королю, смотрѣвшему на нее съ ласкою: — „Вотъ онъ, милая моя, сказала она ей, вотъ онъ.„

16 числа около двухъ часовъ по полудни Король изъ Реймса отправился въ Версалію. Предъ отбытіемъ своимъ пожаловалъ онъ сорокъ пять тысячь ливровъ для всякихъ общеполезныхъ заведеній, и еще пятьдесятъ тысячь ливровъ для училища, которому онъ самъ положилъ первый камень въ основаніе 13 дня того же мѣсяца.

Жиды города Ландо праздновали богослуженіемъ и всенародными увеселеніями коронованіе Лудовика XVI 21 Іюля 1775 года. Они собравшись въ свою Синагогу между прочимъ пѣли тридцать избранныхъ псалмовъ священнаго писанія, и окончали моленіемъ о сохраненіи здравія ихъ Величествъ.

Читатель позволитъ здѣсь присовокупить молитву Жидовъ Авиньонскихъ и Бурдовскихъ жительствующихъ въ Парижѣ, пѣтую ими 11 Іюня 1775 года, въ день коронованія Лудовика XVI.

„Правитель вселенныя! ты въ руцѣ своей содержишъ дни и здравіе владыкъ земныхъ! ты единъ имѣешъ власть располагать престолами! услыши нынѣ теплое наше моленіе. Ты сохранилъ отъ сильныхъ враговъ Давида, прежде бывшаго Царя и Отца нашего; соблюди днесь младаго нашего Лудовика, и сотвори цар-

ствіе его долголѣтно и счастливо. Царю Царей! существо высочайшее, неизмѣнное, превѣчное! отврати отъ стезей его всѣ злыя предвѣщанія; просвѣти труды мудрыхъ его служителей, коихъ отеческое его сердце себѣ предъизбрало. Вдохни въ него божественную твою силу; благослови нравы, науки и обиліе. Не воздремли надъ его подданными и управи его благотвореніе. О пресвятый! кто изъ человѣкъ не повѣдаетъ силы твоего могущества? Рѣки велѣніемъ твоимъ возвращаются къ своему источнику. Океанъ въ ярости укрощается и не преступаетъ своихъ предѣловъ. Тебя убо просимъ, призри на нашу молитву, на наше усердіе! Боже Израилевъ! ты единъ намъ прибѣжище! тебѣ вся возможна! твоимъ единымъ именемъ отъ гробовъ возстаютъ мертвые. Вонми смиренному нашему моленію за Царя и за весь домъ его. Да будетъ онъ утѣшеніемъ и надеждою Французскаго народа; и да сіяніе освѣщающее его прострется за предѣлы нашихъ желаній.„

Когда Лудовикъ XVI возвратился въ Версалію, то шести гильдій Парижскіе купцы въ достоинствѣ депутатовъ отъ Магистрата поздравляли Короля съ его

коронованіемЪ, и когда вЪ сходственность принятаго обыкновенія хотѣли они привѣтствовать его на колѣняхЪ; то онЪ ихЪ отЪ сего униженія уволилЪ и дружески бесѣдовалЪ сЪ ними.

ГородЪ РеймсЪ похваляясь между прочими преимуществами своими тѣмЪ, что вЪ немЪ помазуются Короли, долгое время спорилЪ сЪ городомЪ Троа, которому изЪ нихЪ быть столичнымЪ вЪ области Шампанской? Но послѣдній сЪ 1775 году, взялЪ верьхЪ надЪ онымЪ, по опредѣленію самаго Короля, которому слѣдующаго года угодно было принять и медаль выбитую на сей случай. ВЪ 1777 году Его Величество почтилЪ новымЪ знакомЪ отличія сію столицу, позволивЪ всѣхЪ судебныхЪ вЪ ней мѣстЪ чиновникамЪ носить красные мундиры.

ВЪ Августѣ мѣсяцѣ 1775 года Королю случилось быть на охотѣ. Тогда поднялась такая сильная буря, что Графы Прованскіе и д'Артоа принуждены были зайти вЪ домЪ одного крестьянина, гдѣ увидѣли они хозяйку сЪ четырьмя дочерями, изЪ которыхЪ двѣ перьвыя были уже невѣсты, а другія двѣ еще маленькія.

Между тѣмъ, какъ сіи два Принца въ семъ убѣжищѣ пережидали погоды, Графъ д'Артоа спросилъ у подстаршей, естьли у нее женихъ: она отвѣчала, что есть одинъ, да нѣтъ столько приданаго, чтобъ выдти за него замужъ. Сей откровенной отвѣтъ такъ понравился Принцу, что онъ на приданое обѣщалъ ей двадцать пять луидоровъ (*), а Графъ Прованскій столько же обѣщалъ старшей. Въ сіе время пріѣхали туда Король и Королева, кои будучи не менѣе Принцовъ благотворительны обѣщали имъ дать по десяти луидоровъ въ день ихъ свадьбы, и по стольку же двумъ маленькимъ, когда онѣ будутъ выходить замужъ. Словомъ сказать, Королевская фамилія не прежде отсюда уѣхала, какъ наградивъ щедрою рукою четырехъ молодыхъ крестьянокъ.

Въ одно время, какъ при столѣ Его Величества играла музыка по обыкновенію, Король изъявилъ, что онъ весьма доволенъ какъ самою музыкою, такъ и избранными мѣстами. Ибо играно было все самое лучшее, и при томъ такое, что Король любилъ наиболѣе:— „Ето пре-

(*) Луидоръ стоитъ около пяти рублей.

красно, (сказалЂ Король смотря на Королеву и на братьевЂ своихЂ), но все ето не стоитЂ находящагося вЂ пiесѢ Луцилiи изреченiя: „Мы можемЂ быть счастливы, только вЂ нѢдрѢ любящихЂ насЂ.„

ВЂ комедiи, *Езопъ при дворѣ*, сочиненной БурсольтомЂ, есть одно явленiе придворныхЂ, коимЂ Государь позволяетЂ напоминать ему о его слабостяхЂ. Но они всѢ соглашаются превозносить его похвалами; одинЂ только изЂ нихЂ отваживается ему выговорить, что онЂ сЂ лишкомЂ любитЂ вино, и напивается до пьяна, представляя при томЂ, что таковый порокЂ, не терпимЂ во всякомЂ человѢкѢ, а болѢе еще вЂ ГосударѢ. Людовику XV, комедiя сiя не понравилась, показалась худа и неприлична такЂ, что онЂ запретилЂ впредь ее играть вЂ своемЂ присудствiи. По смерти сего Государя, когда время печали кончилось, ЛудовикЂ XVI велѢлЂ сЂиграть ее, нашелЂ ее превосходною, исполненною разума, чувствованiй и вкуса, поучительною для Государей, и приказалЂ чаще играть ее вЂ своемЂ присудствiи.

Лудовикъ XVI однажды слыша придворныхъ своихъ разговаривающихъ между собою: *Завтра поѣдетъ Король въ Шуази*, оборотившись къ Капитану своей гвардіи сказалъ смѣючись: — „Всякой хочетъ лучше меня знать, что я дѣлаю; говорятъ, что я завтра поѣду въ Шуази, а я самъ объ етомъ еще ничего не знаю.„

Съ первыхъ дней своего на престолъ возшествія онъ часто отлучался въ послѣобѣденное время съ любимымъ своимъ Камердинеромъ, и ходилъ по домамъ въ самыя верхнія жилья искать несчастныхъ, дабы помочь имъ, хотя они и никакъ не могли себѣ воображать, что бы то былъ Августѣйшій ихъ благотворитель. Тѣлохранители увидѣвъ однажды, что онъ вышелъ одинъ, пошли за нимъ потихоньку; къ нимъ присовокупились еще нѣкоторые и даже многіе изъ Господъ. Всѣ они опасаясь, что бы съ Королемъ ихъ не случилось чего непріятнаго, ожидали его у воротъ одной бѣдной хижины, куда онъ вошелъ въ глазахъ ихъ, такъ что Его Величество вышедъ изъ воротъ увидѣлъ себя окруженнымъ своими придворными: — „Ба! государи мои, сказалъ онъ съ видомъ удивленнымъ и довольнымъ; для меня

ето очень странно, что я не могу сдѣлать шага, что бы всѣ о томъ не узнали.„

---

2 го Декабря 1776 года Королю вздумалось выѣхать на охоту. Гонясь за подстрѣленнымъ оленемъ онъ со свитою своею проѣзжалъ чрезъ деревню Маркусси. Олень увидѣвъ, что уже весьма блиско за нимъ гонятся, въ бѣшенствѣ и безпамятствѣ своемъ набѣжалъ на одного крестьянина, и проболъ ему брюхо. Король тотчасъ наѣхавъ на сего раненаго былъ чрезвычайно тронутъ толь плачевнымъ произшествіемъ. Онъ велѣлъ поднять и подвести къ себѣ раненаго, утѣшалъ его, сколько возможно отеческому сердцу, отдалъ ему всѣ бывшія съ нимъ деньги, приказалъ, какъ можно скорѣе, подать помощь сему несчастному и ходить всякой день нарочно освѣдомляться о его состояніи. На другой день Его Величество послалъ придворнаго своего доктора и велѣлъ ему обнадежить больнаго, что намѣреніе его не въ томъ только состоитъ, что бы снабдить его всѣмъ потребнымъ, но чтобъ также наградить и тѣхъ изъ его родственниковъ, кои съ женою его совокупно будутъ помогать ему въ болѣзни. Сіи монаршія милости чувстви-

тельнѣе были для больнаго, нежели самая язва его. Они вскорѣ возставили его здравіе; и когда онъ оправился; то Король приказалъ ему выдать знатную сумму денегъ, что бы онъ купилъ на оныя себѣ домъ и землю.

Въ началѣ Сентября 1778 года, Король съ Графомъ ПровансКимъ и нѣкоторыми приближенными своими чиновниками гонявсь за оленемъ въ лѣсу Сенардскомъ заѣхалъ въ сторону болѣе пяти миль отъ того мѣста, гдѣ кареты его ожидали. Какъ онъ чрезвычайно утомился отъ долговременной верховой ѣзды, то вздумалъ пройти нѣсколько пѣшкомъ съ братомъ своимъ. Вышедъ на большую дорогу увидѣлъ онъ проѣзжающую карету, въ которой сидѣлъ Докторъ. Придворные просили, что бы онъ уступилъ ее знатнымъ особамъ, которыя заблудившись на охотѣ весьма устали. Сперва Докторъ отказалъ было, но узнавъ Короля старался показать все свое усердіе и преданность. Однакожъ не успѣли они нѣсколькихъ шаговъ отъѣхать, какъ ремень подъ каретою порвался. И такъ должно было знаменитымъ путешественникамъ еще идти пѣшкомъ. Тогда же случилось

сѣ ними еще удивительнѣе, что другая карета купеческая встрѣтившаяся съ ними, имѣла такую же участь. Наконецъ нечаянно напалась имъ извощичья карета, въ которой сіи почтенные охотники доѣхали благополучно до самаго Брюноа. Графъ Прованскій угостилъ тамъ Его Величество отмѣннымъ образомъ, хотя прибытіе ихъ было и нечаянное. Сады замка и все селеніе освѣщены были разными огнями.

Король Генваря 1780 года поздравляя Герцога Ришелье съ возстановленіемъ его здоровья сказалъ ему: — ,,Вы въ жизнь вашу видѣли трехъ Королей — самая правда, Ваше Величество, отвѣтствовалъ Ришелье — чтожъ вы объ нихъ думаете? —Всемилостивѣйшій Государь, въ царствованіе Лудовика XIV не смѣли рта отворить; въ царствованіе Лудовика XV говорили весьма тихо; а въ царствованіе Вашего Величества говорятъ совершенно громко.,,

---

Маія 1781 года нѣсколько учениковъ изъ училища Гаркутскаго въ одинъ праздничной день вздумали погулять въ Бельвѣ; но съ великою трудностію могли попасть туда; для того, что тамъ были Прин-

цессы крови. Сіи узнавъ о затрудненіяхъ, кои имъ дѣлалъ привратникъ, велѣли пустить ихъ въ садъ. Король прибывъ туда заставилъ ихъ играть въ барры, и самъ былъ ихъ судьею. По нѣкоторомъ времени сіи молодые люди ушли въ тракниръ, гдѣ у нихъ обѣдъ былъ заказанъ. Какъ они вставали уже изъ за стола, то Принцессы прислали нарочнаго сказать имъ, что онѣ велѣли для нихъ изготовить обѣдъ. Они благодарили за сію честь, и сказали, что уже отобѣдали. Послѣ чего возвратились во дворецъ, имѣли позволеніе ходить по всѣмъ покоямъ, и смотрѣли, какъ Король игралъ въ триктракъ. Его Величество распрашивалъ ихъ всѣхъ одного за другимъ, кто они таковы. И какъ прозванія ихъ были ему извѣстны: — „Мнѣ не незнакомы всѣ сіи имена, сказалъ онъ. Они приводятъ мнѣ на мысль такихъ людей, кои съ отличностію служили своему отечеству: я не сомнѣваюсь, чтобъ и вы, когда дойдетъ до васъ чреда, не подражали славному ихъ примѣру.„— Король разговаривалъ съ ними долго и ласково, велѣлъ ихъ накормить и назначилъ имъ еще свиданіе въ Ланди, въ тотъ самой день, съ котораго въ училищахъ начинаются каникулы, бывающія обыкновенно въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Принцъ Монтбарри представилъ въ одно время Лудовику XVI списокъ молодыхъ людей, кои желали вступить въ военную службу, и коихъ числомъ было въ четверо больше, нежели мѣстъ праздныхъ. Король разсмотрѣвъ сей списокъ вымаралъ всѣхъ имѣвшихъ покровительство. — „Не будетъ ли справедливо, сказалъ Монархъ, дать преимущество тѣмъ, кои не имѣя ни друзей, ни покровителей, заслуживаютъ уже по сему одному вспоможенie?„

Одна почтеннѣйшая въ государствѣ особа представила Королю молодаго Аббата изъ весьма знатной фамилiи, прося Его Величество произвесть его на праздное Епископское мѣсто. — „Да, сказалъ Монархъ, Господинъ Аббатъ весьма молодъ для исполненiя должностей Епископа. — О! что до сего, Ваше Величество, отвѣчалъ проситель, въ той епархiи, о которой я прошу васъ, есть Архiерей викарный пожилыхъ лѣтъ, которой совѣтами своими будетъ помогать новому Епископу. — Ну, такъ, прервалъ Король, стоитъ только викарнаго наименовать Епархiальнымъ, а на его мѣсто здѣлать Господина Аббата, дабы онъ имѣлъ время лучше узнать должности Епископскiя. —

И сіе толь мудрое распоряженіе въ самомъ дѣлѣ было исполнено.

Аббатъ Беспла, славный проповѣдникъ, говорилъ въ присудствіи Короля проповѣдь о причащеніи, коея предмѣтомъ были свойства любви въ Государѣ. Въ слѣдующихъ строкахъ разсуждая о темницахъ онъ произвелъ весьма сильное въ слушателяхъ впечатлѣніе (*). „Прости, Государь, говоритъ Ораторъ обративъ слово свое къ Его Величеству; довѣренность, долгъ служенія нашего и раздираемая душа наша принуждаютъ насъ открыть тебѣ зажнѣйшій предмѣтъ нашего сѣтованія. Не оскорбляется милосердіе твое, когда великодущное твое сердце приводится на путь благотвореній и истинны. Бѣдные несчастные! по что уста наши не имѣютъ витійства Златоустаго, дабы защитить права ваши? Естьли стрѣла пронзающая нашу душу коснется души сего Великаго Государя; какое будетъ тогда для насъ облегченіе? Такъ, Государь, состояніе темницъ въ

(*) Сей и послѣдующій Аббата Пуля отрывокъ приводятся здѣсь для того, что они были причиною новыхъ милостей Монаршихъ.

твоемъ Королевствѣ извлекло бы слезы изъ нечувствительнѣйшихъ, естьли бы они пришли въ оныя. Мѣсто безопасности не можетъ, безъ ужаснаго неправосудія, учиниться обителью отчаянія. Градоправители твои стараются облегчить въ оныхъ жребій несчастныхъ; но будучи лишены нужныхъ пособій къ поправленію сихъ вертеповъ заразительныхъ, они токмо смутнымъ молчаніемъ отвѣтствуютъ на жалобы несчастныхъ. Такъ, я ето видѣлъ, Государь, и моя ревность принуждаетъ меня здѣсь, какъ Павла, выполнить мое служеніе; такъ; я самовидѣцъ тому, какъ покрытые струпами и гноемъ въ заразительныхъ и ужасныхъ сихъ логовищахъ тысящекратно благословляли въ обьятіяхъ нашихъ ту минуту, въ которую они наконецъ умереть пріуготовлялись. Великій Боже! въ царствованіе благаго Государя могутъ быть подданные жаждающіе смерти, и смерти поносныя! — Приснопамятный день, пребуди благословенъ! исполнилось желаніе сердца моего; оно освободилось отъ величайшія тяжести, раздѣленіемъ оныя съ душею добродѣтельнѣйшаго Государя.,,

Всѣ примѣтили, что разсужденіе сіе Король и братья его слушали съ величай-

шимъ вниманіемъ. Графъ д' Артоа въ разсужденіи сего предмѣта на другой день по утру далъ желаемой отвѣтъ. Одинъ придворной, человѣкъ самолюбивой и жестокой, между прочимъ замѣтилъ, что Аббатъ Беспла возражалъ весьма не къ стати за худое содержаніе въ тюрмахъ колодниковъ, говоря, что оное можно почитать нѣкоторою частію наказанія должнаго за ихъ преступленія. Принцъ при семъ прервавъ его рѣчь сказалъ: — „Вотъ прекрасное умствованіе! да извѣстно ли подлинно, что они виноваты? Что они содержатся подъ стражею, етого еще не довольно.„

Къ сему разсужденію о темницахъ можно присовокупить и слѣдующее изъ проповѣди Аббата Пуля говоренной также въ присудствіи Его Величества. По возбужденіи сострраданія въ слушателяхъ своихъ описаніемъ всѣхъ золъ претерпѣваемыхъ несчастными, Ораторъ вдругъ начинаетъ: — „Кажется мнѣ, что я въ сіе мгновеніе слышу гласъ Бога ко мнѣ вопіющаго, какъ нѣкогда ко Пророку: — Іерей Бога живаго — проникни сквозь сіи стѣны, проникни сквозь своды, что видишъ? — Многое множество несчастныхъ, которые можетъ быть болѣе несчастны, нежели виновны. Ахъ! я слышу

смущенные ихъ ропоты, слышу жалобы у трудженной бѣдности, воздыханія непознанной невинности, вопли отчаянія: коль они суть пронзительны! Душа моя, внемлющая имъ, раздирается! — Сниди, что далѣе усматриваешь? — Свѣтъ вредоносный, гробы для жилища, адъ подъ собою; пищу продолжающую столько же мученія, какъ и жизнь; нѣсколько расбросанной соломы, нѣсколько изношенныхъ рубищь, всклокоченные волосы, взоры смутные, гласы умирающихъ, прерываемые тяжкими вздохами, какъ бы подъ землею; движенія ярости; страшныя привидѣнія — мучащіяся въ оковахъ..... людей..... ужасъ людей. — Послѣдуй за сими безутѣшными жертвами до мѣста ихъ закланія; что тебѣ представляется? — Посреди безчисленнаго народа смерть на ешафотѣ, вооруженная всѣми орудіями горести и безчестія. Уже возноситъ она острую косу свою. Какое пораженіе во всѣхъ членахъ! какой ужасъ! Одинъ крикъ, крикъ всего человѣчества; но слезы не ліются. — Государь, чѣмъ болѣе на сіе обращаю я вниманіе, тѣмъ яснѣе усматриваю, что всякой утѣсненной имѣетъ своего покровителя, всякой бѣдной своего богача, всякой плѣнникъ своего избавителя; и они почти въ присудствіи одинъ другаго: между сими

двумя сторонами нѣтъ другой преграды, кромѣ стѣны и жестокости богачей.,,

Благотворительная душа Лудовика XVI была чувствительно тронута поразительною картиною Аббата Беспльı; душевныя его движенія ясно видимы были на лицѣ его; по окончаніи рѣчи онъ велѣлъ позвать къ себѣ великаго раздавателя милостины, оказалъ ему свое неудовольствіе, и притомъ сказалъ, что сколь для него прискорбно, что съ подданными его такъ худо было поступаемо; онъ повелѣлъ, со всевозможною поспѣшностію, стараться о исправленіи темницъ, и о услажденіи горести содержащихся въ оныхъ.

Лудовикъ XVI желая удостовѣриться о томъ, какъ думаютъ о дѣлахъ Господъ Бріенна и Ламуаньона, приказалъ Блезоту своему книгопродавцу въ Версаліи, класть въ отверстіе одного сундука, отъ коего самъ Король имѣлъ ключь, всѣ бумаги и сочиненія относящіяся къ ежедневнымъ происшествіямъ. Сей сундукъ стоялъ въ одной изъ комнатъ Его Величества, и никто не зналъ о данныхъ книгопродавцу тайныхъ повелѣніяхъ, которыя онъ исполнялъ со всею точностію. Наконецъ провѣдалъ объ етомъ Г. Брейтель, и по собствен-

ному ли своему побужденію, или по чьему наущенію, велѣлъ посадить въ Бастилію повѣреннаго Его Величества, подъ предлогомъ, яко бы онъ продавалъ запрещенныя книги. По прошествіи нѣсколькихъ дней Король ничего не нашедъ въ сундукѣ послалъ къ Блезоту, и весьма удивился услышавъ, что онъ по повелѣнію его содержится въ Бастиліи. Государь крайне на сіе прогнѣвавшись велѣлъ позвать къ себѣ Барона Брейтеля, и въ вспыльчивости своей весьма жестоко ему выговорилъ.

Сіе приводитъ на память дѣянія покойнаго Короля Сардинскаго, которой употребилъ какъ простой, такъ и вѣрной способъ, дабы знать обо всемъ происходившемъ при дворѣ его и во всемъ Государствѣ, и дабы страхомъ удержать въ предѣлахъ должности своихъ Министровъ и другихъ знатнѣйшихъ подданныхъ, кои бы захотѣли злоупотребить власть свою. Онъ велѣлъ въ прихожей своей поставить большой сундукъ; въ которой всякой частной человѣкъ могъ класть прошенія, жалобы и проч. и отъ котораго только онъ одинъ имѣлъ ключь. Сей Государь по утру или вечеру всякой день отпиралъ его безъ свидѣтелей. Естьли доносили ему о какомъ неправосудіи и утѣсненіи, то онъ старался хорошенько о томъ

справиться, и когда былЪ удостовѣренЪ вЪ истиннѣ доноса, то неупустительно наказывалЪ виновныхЪ.

Король сердечно будучи тронутЪ безпорядочнымЪ употребленіемЪ казны государственной, старался всемѣрно пособить тому; но не имѣя желаемаго успѣха, говаривалЪ часто:— „Уже нѣсколько тому лѣтЪ, что я минутно токмо бывалЪ счастливЪ.

ГосподинЪ НеккерЪ вЪ поданной имЪ отЪ 27 Декабря 1788 года вѣдомости говоритЪ, что ЛудовикЪ XVI хотѣлЪ не токмо подтвердить обѣщаніе свое, что бы не налагать никакихЪ вновь податей безЪ согласія государственныхЪ чиновЪ, но еще стараться о уменьшеніи оныхЪ, сколько будетЪ возможно.

Рѣшившись единожды на всегда онЪ всячески старался избѣгать безполезныхЪ расходовЪ. Естьли дѣло касалось личныхЪ его выгодЪ и удовольствій, то никто не могЪ убѣдить его, что бы хотя нѣсколько уклонился отЪ предпринятыхЪ имЪ строгихЪ правилЪ Економіи. На такія вкрадчивыя предложенія онЪ обыкновенно отвѣтствовалЪ:— „Ето еще не кЪ нуждѣ; пожалуйте не говорите мнѣ о томЪ, что

можетъ причинить для меня новыя издержки: у меня есть довольно расходовъ, которые гораздо сихъ нужнѣе и полезнѣе.„

Въ первыхъ числахъ Августа 1780 года Король уничтожилъ четыре ста шесть разныхъ придворныхъ мѣстъ на своей половинѣ. 17 числа того же мѣсяца онъ сдѣлалъ также знатную перемѣну на половинѣ Принцессъ своихъ, тетокъ и проч. По бережливости, которую всегда наблюдалъ въ расходахъ своихъ, онъ также отмѣнилъ всѣ столы для вельможей и многихъ другихъ придворныхъ служителей.

Указомъ 6 Августа 1787 года Его Величество повелѣлъ служащихъ при комнатахъ своихъ и на конюшняхъ смѣнять чрезъ полгода, а не чрезъ три мѣсяца, и чрезъ то половина мѣстъ очистилась. Онъ также опредѣлилъ быть одной конюшнѣ, уменьшилъ число пажей, конюховъ, приказныхъ при канторѣ придворной, по двое за одного служащихъ, и всѣ другія издержки. Многочисленная соколья и звѣриныя охоты со всѣми ихъ принадлежностями были также уничтожены.

Король такую же економію завелъ и по воинской своей части. Для конной и пѣшей своей гвардіи сдѣлалъ онъ новыя

распоряженія, такъ что съ 1787 года вмѣсто должнаго себѣ великолѣпія и пышности онъ имѣлъ при себѣ нѣсколько токмо гвардіи, и сказалъ, что онъ ни когда сожалѣть не будетъ ни о блескѣ окружающемъ престолъ, ни о великолѣпіи двора, ни даже о выгодахъ, какихъ должно надѣяться отъ великаго числа чиновниковъ, кои его окружаютъ и ему прислуживаютъ: но что сожалѣетъ только о лишеніи содержанія, которое почувствуютъ вскорѣ пользовавшіеся его благоволеніемъ, о удаленіи служителей, на коихъ усердіе и вѣрность онъ могъ положиться, о пресѣченіи милостей, кои онъ то тѣмъ, то другимъ оказывалъ, и на продолженіе которыхъ они имѣли нѣкоторымъ образомъ право. Блескъ престола не обольщалъ очи сего Государя:— Ахъ! сказалъ онъ, какую пользу издержки сіи приносятъ благоденствію моему.,,

Королева имѣя одинакія мысли съ Августѣйшимъ своимъ супругомъ, для облегченія народнаго обратила также вниманіе свое на всѣ части своея половины, и уничтожила многіе расходы ненужные, простиравшіеся ежегодно до девяти сотъ тысячь ливровъ.

„Король, сказала однажды сія Государыня Г. Неккеру, не отречется отъ

пожертвованій содѣйствующихъ общему благу; дѣти наши будутъ думать также, естьли будутъ разумны; а естьли нѣтъ, то Король исполнивъ свой долгъ, и ихъ къ исполненію его симъ побудитъ.,,

1776 года Декабря 22, Король объявилъ указомъ, что онъ впредь будетъ платить за всѣ расходы двора своего, какъ подрядчикамъ, такъ и другимъ поставщикамъ тотчасъ по истеченіи того года, въ которой долги произойдутъ „дабы неуплатою отлагаемою часто до четырехъ лѣтъ не причинить дороговизны.,, Онъ опредѣлилъ четыре миліона пять сотъ тысячь ливровъ для уплаты прежнимъ заимодавцамъ; и какъ тѣ, коимъ наименѣе долженъ, по видимому были другихъ бѣднѣе, то Его Величество приказалъ ихъ первыхъ удовольствовать.

Народное собраніе положило расписать всѣ разходы двора Королевскаго, и съ сею бумагою отправивъ предсѣдателя своего къ Его Величеству просить его, дабы онъ самъ положилъ себѣ потребную сумму. Предсѣдатель 6 Генваря 1790 года получилъ на сіе слѣдующій отвѣтъ отъ Государя: — „Я чувствительно тронутъ разсужденіемъ народнаго собранія и чув-

ствованіями, кои вы мнѣ изъявляете отъ онаго. Я не злоупотреблю его довѣренности, и о семъ объяснюсь въ другое время, а теперь не намѣренъ препятствовать собранію въ настоящихъ его дѣлахъ. Сперьва лучше думать о уплатѣ долговъ государственныхъ, и о томъ, какъ бы имѣть вѣрныя деньги на необходимыя нужды для сохраненія общаго порядка и для защищенія отечества. Что принадлежитъ собственно до меня, то въ настоящихъ обстоятельствахъ обо мнѣ совсемъ нѣчего безпокоиться.,,

Но народное собраніе желая непремѣнно Государю своему опредѣлить такіе доходы, кои бы соотвѣтствовали нуждамъ и Величеству главы Французскаго народа, часто просило Лудовика XVI объявить, какая сумма ему потребна для содержанія двора своего. Монархъ всегда отвѣтствовалъ, что надобно думать о долгахъ государственныхъ, а не о его личныхъ нуждахъ. Наконецъ не могши воспротивиться многократнымъ и усильнымъ онаго представленіямъ, открылъ свое намѣреніе 9 Іюня 1790 года. Предсѣдатель народнаго собранія читалъ слѣдующее письмо писанное къ нему Его Величествомъ, съ приложеніемъ къ оному обстоятельнаго и опредѣлительнаго отъ него отвѣта.

Государь мой!

„Желая соблюсти со всею строгостію государственную економію, и разсуждая о расходахЪ, какихЪ требуетЪ сіяніе престола Французскаго и представленіе повелителя великаго народа, предпочелЪ бы я, что бы народное собраніе само вошло вЪ состояніе моего дома, но не могу болѣе противиться новымЪ онаго прозьбамЪ и препровождаю кЪ вамЪ отвѣтЪ, которой прошу отЪ меня сообщить ему.„

Отвѣтъ Короля народному собранію о его расходахъ и о вдовьей части для Королевы.

„ЖелалЪ бы я совершенно положиться на народное собраніе вЪ разсужденіи опредѣленія суммы приличной моимЪ гражданскимЪ и воинскимЪ расходамЪ; но новыя и неотступныя его представленія заставляютЪ меня перемѣнить мое намѣреніе. И такЪ я обЪяснюсь ему безЪ всякихЪ околичностей.„

„Расходы относящіеся вообще кЪ дому Королевскому заключаютЪ вЪ себѣ:

„1 е. Расходы собственно для меня, для Королевы, для воспитанія моихЪ дѣтей, и для моихЪ тетокЪ; здѣсь должно присовокупить еще содержаніе дома сестры моей, котораго она имѣетЪ право отЪ меня надѣяться.„

„2 е. Строенія и Королевское одѣяніе.„

„3 е. Наконецъ мои разходы военные, кои по уставу сообщенному военному комитету, ни мало не относятся къ разходамъ по арміи.„

„Сіи разные предмѣты взятые вмѣстѣ, не смотря на всѣ уменьшенія, какія были здѣланы со времени моего на престолъ вступленія, стоили все еще тридцати милліоновъ, кромѣ вспомогательнаго права для Версаліи простирающагося до девяти сотъ тысячь ливровъ, кои впредь будутъ входить въ общую казну по причинѣ моего обыкновеннѣйшаго нынѣ пребыванія въ Парижѣ.„

„Я полагаю, что двадцати пяти миліоновъ съ присовокупленіемъ звѣринцовъ, отчинъ и лѣсовъ принадлежащихъ къ увеселительнымъ моимъ замкамъ, съ помощію знатныхъ убавокъ, будетъ довольно для сихъ разнаго рода разходовъ. Издержки мои по военной части хотя и включаю я въ число сіе, однако еще не могу опредѣлительно сказать, сколь они велики будутъ. Я желаю оныя расположить соотвѣтсвенно новому дѣлъ теченію и порядку. Однако мнѣ кажется, что войско опредѣленное для гвардіи Королевской должно быть на основаніи постановительнаго узаконенія, и какъ оному предлежатъ

подвиги раздѣлять и честь и опасности сопряженныя съ защищеніемъ отечества, то оно должно быть и подчинено общимъ военнымъ уставамъ.,,

,,И для сихъ самыхъ причинъ не поспѣшалъ я къ той епохѣ, въ которую тѣлохранителямъ моимъ должно опять вступить въ ихъ должность, а сіе медлѣнное разпоряженіе военной дома моего части тѣмъ менѣе имѣетъ неудобствъ, что съ тѣхъ поръ, какъ народная гвардія мнѣ служитъ, я нахожу въ ней всю ревность и усердіе, какого желать можно, и потому не хочу отчуждать ее отъ моей собственной гвардіи.,,

,,Изъ той суммы, которую я ежегодно получать буду, не возможно мнѣ уплатить долги сдѣланные до меня въ моемъ домѣ, о коихъ народному собранію извѣстно; и такъ желаю, что бы оно включило и сей предмѣтъ во всеобщее свое разчисленіе.,,

,,Я считаю, что разнымъ чинамъ служащимъ въ моемъ и братьевъ моихъ домѣ должно опредѣлить жалованье, и причислить оное къ члену предъидущему.,,

,,Все оное оканчиваю я тѣмъ, что у меня болѣе всего лежитъ на сердцѣ. По договору супружества моего съ Королевою обѣщалъ я, что въ случаѣ, естьли умру

прежде ее, она будетъ имѣть приличное своему состоянію содержаніе. Сія сумма издревле принадлежала Королевамъ Франціи, и съ наличною пенсіею, составляетъ болѣе четырехъ миліоновъ.,,

,,Болѣе всего желаю я, что бы супружеское мое обязательство, которое я далъ ей и Августѣйшей ея матери, было выполнено опредѣленіемъ ей вдовьей ея части; такое одолженіе отъ народнаго собранія почту себѣ великимъ удовольствіемъ; ибо отъ онаго зависитъ мое спокойствіе, весьма тѣсно сопряженное съ моимъ счастіемъ.,,

,,Симъ отвѣтствуя на желанія народнаго собранія со всею довѣренностію, какая должна между мною и имъ царствовать, увѣряю я, что ни въ чемъ оному не буду противиться, что токмо собственно до моего лица касается. Прямыя мои личныя выгоды пребудутъ всегда выгодами всего Государства, только бы свобода и общій порядокъ, сіи два источника благоденствія государственнаго, пребыли не поколебимы. Чего мнѣ не достанетъ въ собственныхъ моихъ утѣхахъ, то все найду я съ избыткомъ въ удовольствіи, чтобъ видѣть ежедневно процвѣтающее благосостояніе общественное.,,

Всѣ сіи требованія и желанія Короля были приняты съ единодушнымъ восклицаніемъ. Многіе изъ членовъ предлагали, что бы письмо Государево служило самымъ опредѣленіемъ. Баронъ Мену предлагалъ, что бы предсѣдатель попросилъ Его Величество, сказать опредѣлительно, чего онъ желаетъ для Королевы; но тутъ же опредѣлено ей вдовьей части по требованію Короля до четырехъ милліоновъ.

Когда Графъ д' Артоа расказалъ все подробно Королю брату своему о славныхъ морскихъ еволюціяхъ въ Шербургѣ, которыя онъ видѣлъ въ Іюнѣ 1786 года, (подвиги достойные древнихъ Римлянъ и удивленія потомства), то Лудовикъ XVI возъимѣлъ благородное любопытство видѣть самъ сіи преславныя и удивительныя дѣйствія, какихъ съ начала Французскаго Королевства по тогдашнее время не бывало. Онъ отправился изъ Рамбульета 21 Іюня того же года въ пять часовъ пополуночи, въ простомъ дорожномъ платьѣ. Въ каретѣ съ нимъ сидѣли Принцъ Поа капитанъ его гвардіи, Герцогъ Вилликіе Оберъ-Каммер-Юнкеръ его, Герцогъ Коаньи Оберъ-Шталмейстеръ; а въ Гаркуртѣ онъ взялъ еще съ собою Герцога сего имени,

Генералъ Губернатора провинціи. Въ Гуданѣ Его Величество взялъ почтовыхъ лошадей; и какъ онъ вышелъ изъ кареты, дабы дать время въ ней кое что поправить; то жена тамошняго лѣкаря подошедъ къ нему повергласъ къ ногамъ его изъявляя, что почитаетъ себя счастливою его увидѣвъ и обнявъ его колѣна сказала! — „Теперь я умру довольною; потому что имѣла счастіе видѣть Государя моего.„

Лудовикъ XVI поднялъ ее со свойственной душѣ своей ласкою и снисходительностію. Сія женщина въ восторгѣ своей радости поцѣловала Короля своего, которой принялъ сей знакъ непритворной любви съ великою чувствительностію и поцѣловалъ ее также. Удивленный толикому снисхожденію народъ соплескалъ сему поступку единодушно. По семъ Монархъ сказалъ сей женщинѣ: — „Хочешь ли ты отъ меня чего нибудь? — Нѣтъ, Всемилостивѣйшій Государь, отвѣчала она, я, благодаря Бога и Ваше Величество, не имѣю никакой нужды; я тебя видѣла, отецъ мой, и больше ни чего не желаю; а есть у меня сосѣдка, у которой четырнадцатеро дѣтей; она сущая мать дѣтямъ; всѣ ее любятъ, и ни кто про нее худаго слова не скажетъ, да только очень

бѣдна. — Разумѣю, сказалъ Король, скажи ей, пусть она подастъ мнѣ записку въ Вернонѣ: по твоимъ словамъ я что нибудь для нее сдѣлаю.„

Другая женщина конечно слышавъ о семъ происшествіи повергласъ то же къ ногамъ Короля въ день прибытія его въ Гаврѣ. — „Всемилостивѣйшій Государь, сказала она, я лишилась четырехъ сыновей въ службѣ Вашего Величества: за сіе могу ли просить у васъ милости троимъ бѣднымъ солдатамъ бѣжавшимъ изъ полку, коихъ недавно поймали и уже осудили? — Король ее поднимаетъ и говоритъ ей: я бы хотѣлъ, что бы ты просила о четырехъ, вмѣсто троихъ.„ И тутъ же велѣлъ простить сихъ бѣдныхъ осужденныхъ.

Калоннъ, человѣкъ отмѣннаго разума и усердія, сдѣлалъ тайно для Короля ландкарту пути, по которому проѣзжать ему надлежало. Соображая ее съ лучшими и новѣйшими картами онъ назначилъ всѣ деревни, замки и дачи съ присовокупленіемъ именъ владѣльцовъ и съ краткимъ описаніемъ ихъ жизни и заслугъ отечеству, дабы именитаго путешественника не лишить удовольствія, которое онъ чувствовалъ награждая своими милостями людей заслуженныхъ и достойныхъ. Сіе произвело пріятное уди-

вленіе вЂ сопутствующихЂ ему, но еще пріятнѣйшее вЂ тѣхЂ, кои имѣли счастіе воспользоваться благодѣтельнымЂ намѣреніемЂ сего путешествія.

Король ночевалЂ вЂ замкѣ ГаркуртЂ, а на другой день отправился онЂ вЂ КанЂ, куда и прибылЂ около десяти часовЂ поутру. Карета его остановилась на площади. ГрадоначальникЂ тутЂ поднесЂ ему градскіе ключи сЂ надписью: *Cordibus apertis inutiles*, (открытымЂ сердцамЂ безполезные). Прежде всего онЂ и здѣсь потщился о благотвореніи; онЂ велѣлЂ обнародовать прощеніе бѣжавшимЂ изЂ полку Графа д' Артоа; проѣзжалЂ тихонько, безЂ свиты, безЂ великолѣпія, сЂ двумя только вершниками, позволяя всякому подходить кЂ себѣ: — „Это мои дѣти,„ — говорилЂ сей изящный Государь; и видя чрезвычайное кЂ себѣ усердіе народа предостерегалЂ его самЂ, что бы онЂ не очень близко подходилЂ кЂ колесамЂ.

Города и села, чрезЂ кои проѣзжалЂ ЛудовикЂ XVI, были покрыты безчисленнымЂ множествомЂ зрителей. — „Мы весьма довольны, что тебя видимЂ, отецЂ нашЂ, восклицали они безЂ притворства. — И я также дѣти мои, отвѣчалЂ онЂ, радуюсь и веселюсь васЂ видя.„

ВЪ Канѣ Его Величество ходилЪ пѣшкомЪ осматривать мѣсто для казармЪ, кои тамЪ хотѣли строить для пѣхотнаго его полку, и положилЪ своими руками первой камень вЪ основаніе онымЪ; простилЪ шестерыхЪ бѣглыхЪ солдатЪ, пожаловалЪ осмнадцать тысячь ливровЪ на Гошпиталь, и наградилЪ приданымЪ одну сироту, представленную ему городомЪ.

22 числа ЛудовикЪ XVI прибылЪ вЪ ШербургЪ вЪ одиннадцать часовЪ вечера; онЪ отдалЪ приказЪ, что бы на другой день сдѣлать для него примѣрное морское сраженіе. ВЪ четыре часа по утру флотЪ изЪ гавани былЪ выведенЪ; Король осматривалЪ его разЪѣзжая на шлюбкѣ. ПотомЪ перешелЪ на корабль называемый *Патріотъ*, сЪ котораго видѣлЪ всѣ расположенія и дѣйствія морской еволюціи. Его Величество удивлялся, что на кораблѣ *Патріотъ*, на которомЪ онЪ находился, не палили, между тѣмЪ, какЪ пушечный громЪ со всѣхЪ другихЪ судовЪ наполнялЪ всю окрестность. ОнЪ хотѣлЪ сему знать причину, на что ГрафЪ АлбертЪ РіомсЪ главнокомандовавшій надЪ ескадрою донесЪ Его Величеству, что вЪ морскомЪ уставѣ не позволяется имѣть ни огня, ни пороху на суднѣ удостоенномЪ его присудствія. ЛудовикЪ XVI уволилЪ его отЪ сего пра-

вила, и хотѣлъ видѣть дѣйствіе рекашетныхъ выстрѣловъ; тотчасъ принесли пороху и начали палить по водѣ ядрами, чѣмъ Государь сей былъ весьма доволенъ. Крѣпость, равно какъ и вся ескадра приняли сіи выстрѣлы за салютованіе; и вдругъ со всѣхъ батарей здѣланъ былъ тройной залпъ.

Лудовикъ XVI пробывъ въ Шербургѣ три дни отбылъ изъ сего города 26 числа. 27 го пріѣхалъ онъ въ *Гонфлеръ*, откуда отправился водою въ *Гавръ*, на небольшой яхтѣ нарочно для сего изготовленной, коею имѣлъ честь управлять Дела Тушъ; а матросы были набраны съ судовъ Купеческихъ. Во время переѣзда сего поднялась буря, и когда работа производилась не такъ какъ хотѣлось Квартирмейстеру, то онъ началъ браниться; но осмотрѣвшись, что находится въ присудствіи Короля, просилъ въ семъ проступкѣ прощенія у Его Величества; на что Король сказалъ ему смѣючись: — „Не безпокойся; ето обыкновенной языкъ у рабочихъ людей; я бы самъ, можетъ быть, то же сдѣлалъ, будучи на твоемъ мѣстѣ.„

Руильяну, хозяину яхты, на которой Король переѣзжалъ изъ Гонфлера въ Гавръ, Его Величество въ изъявленіе своего особ-

ливаго удовольствія подарилЪ прекрасную золотую табакерку. КЪ сей милости присовокупилЪ онЪ еще, что бы сЪ того времяни оную яхту называли Королевскою, что бы у ней на кормовомЪ флагѢ была розовая лилія, и повелѢлЪ ей впредь исключительно пользоваться всѢми правами какЪ вЪ ГаврѢ де ГрасЪ, такЪ и вЪ ГонфлерѢ.

Не доѢзжая еще до *Гавра* Король ночевалЪ. На другой день вЪѢхалЪ тріумфальными воротами построенными отЪ города: ГрадоначальникЪ поднесЪ ему городскіе ключи. ПослѢ сего пятьдесятЪ молодыхЪ гражданЪ вЪ красныхЪ мундирахЪ верьхами выпросили позволеніе Ѣхать предЪ его ВеличествомЪ до Архіепископскаго дома, гдѢ онЪ встрѢченЪ былЪ радостными восклицаніями безчисленнаго народа, пушечною пальбою и колокольнымЪ звономЪ.

Король до соборной церькви имѢлЪ шествіе между гражданами и полкомЪ ТюренневымЪ; перьвые у него были сЪ правой, а послѢдній сЪ лѢвой стороны. Монахи ожидали его у дверей церьковныхЪ и проводили вЪ церковь сЪ церемоніею. Коль скоро онЪ сталЪ на свое Королевское мѢсто, тотчасЪ запѢли, *Domine, salvum*

fac Regem, (*Господи, сохрани здравіе Государя*). По окончаніи Божественной службы Король пошелъ въ Архіепископскій домъ, гдѣ монахи поднесли ему по обыкновенію шесть хлѣбовъ и двенадцать бутылокъ вина. Въ залѣ за Королевскимъ столомъ кушали тогда двадцать особъ. Всякому вольно было туда входить, такъ что отъ тѣсноты проходу почти въ покояхъ не было.

Послѣ обѣда Король для удовольствія народнаго ходилъ пѣшкомъ прогуливаться; онъ былъ на мосту называемомъ великимъ, и смотрѣлъ, какъ суда проходятъ. Около осьми часовъ по полудни, Король поѣхалъ ночевать въ *Галіонъ*, загородной домъ Архіепископскій.

Лудовикъ XVI въ продолженіе сего путешествія явилъ безчисленныя милости. Онъ самъ угощалъ нѣкотораго Кавалера Св. Лудовика и семерыхъ морскихъ офицеровъ; Капитанъ Лейтенанта на кораблѣ Патріотѣ пожаловалъ Капитаномъ перьваго ранга; матросамъ находившимся на семъ кораблѣ и другимъ морскимъ служителямъ роздалъ болѣе тысячи двухъ сотъ ливровъ, и одарилъ всѣхъ главнокомандующихъ; Шербургскому священнику пожаловалъ шесть сотъ ливровъ, и приказалъ ему всенародно возвѣстить, сколько

онѣ былѣ тронутѣ преданностію и усердіемѣ своего народа.

При раздачѣ крестовѣ Св. Лудовика, коими Король во время пребыванія своего вѣ Шербургѣ пожаловалѣ многихѣ морскихѣ офицеровѣ, оставилѣ онѣ одинѣ у себя. Маршалѣ Кастри припомнилѣ Королю, что онѣ забылѣ Г. Орвиліера, племянника стараго и заслуженаго полководца, которому тотѣ крестѣ былѣ назначенѣ. — „Ахѣ! нѣтѣ, я его не забылѣ, сказалѣ Монархѣ, но хочу самѣ отнести сей крестѣ на корабль кѣ нему.

Король вѣ путешествіи семѣ показалѣ совершенное знаніе и искуство во всемѣ касающемся до мореходства, какѣ то: вѣ строеніи, вооруженіи и вожденіи кораблей. Самыя слова сего языка для него были не новые, и онѣ сѣ мореходцами говорилѣ почти какѣ настоящій мореходецѣ.

Каждой офицерѣ, ему представленный, долженѣ былѣ хвалиться отмѣннымѣ пріемомѣ Его Величества; онѣ разговаривалѣ сѣ ними о сраженіяхѣ, вѣ коихѣ они были во время войны послѣдней, и одобрялѣ ихѣ самыми лестными и трогательными похвалами.

Во время пребыванія Короля вѣ Шербургѣ можно было видѣть, сколько онѣ

любилЪ мореплаваніе: жители Шербургскіе долго будутЪ помнить слова его: что день коронованія и день прибытія его вЪ ШербургЪ суть дни самые достопамятнѣйшіе вЪ его жизни. Но они еще долѣе не забудутЪ того, что на восклицанія: *да здраствуетъ Король!* онЪ часто отвѣчалЪ: *да здраствуетъ мой народъ.*

Послы отЪ Типпо-Саиба, сильнаго владѣльца Индійскаго, предЪ отЪѣздомЪ своимЪ будучи на аудіенціи у Короля во дворцѣ ВерсальскомЪ желали знать, какой бы знакЪ дружества отЪ Государя ихЪ былЪ угоднѣе Королю Французскому. ЛудовикЪ XVI обЪявилЪ имЪ, что онЪ величайшимЪ знакомЪ почитанія и дружества, какое Государь ихЪ оказать ему можетЪ, почтетЪ освобожденіе изЪ неволи АглинскихЪ солдатЪ, которые можетЪ быть еще содержатся плѣнниками во владѣніяхЪ его. — „Такое изреченіе, замѣчаетЪ нѣкоторый Аглинскій писатель, приноситЪ величайшую честь человѣколюбію Государя, и возноситЪ его превыше всѣхЪ его предшественниковЪ.

ЛудовикЪ XVI при случаѣ, какЪ положено было собрать государственныхЪ

чиновъ, Министру своему, которой тогда представлялъ ему, что власть Королевская можетъ быть стѣснена, сказалъ въ отвѣтъ сіи достопамятныя слова: — „Что мнѣ нужды, что власть моя потерпитъ, только бы народъ мой былъ счастливъ!„ Вотъ пожертвованіе, достойное великаго Государя! *Карлъ Ламетъ*, одинъ изъ членовъ народнаго собранія, очень умѣлъ оцѣнить Лудовика XVI. и окружающихъ его Министровъ: онъ однажды предсѣдателю собранія, когда сей отправлялся къ Королю, сказалъ:— „Пойдите, Господинъ предсѣдатель, пойдите, скажите Королю, что мы имѣемъ къ нему полную довѣренность, и только къ нему одному; мы совершенно знаемъ, что произшедшая у насъ перемѣна благопріятна душѣ его; но не примѣчаемъ того въ его Министрахъ.

Монархъ сей не о настоящемъ токмо, но и о будущемъ помышлялъ благостояніи своего народа. Жизнь его исполнена таковыхъ примѣровъ. Всякое слово, всякое дѣяніе возвѣщало его безпримѣрную любовь къ своему народу, но народу наконецъ неблагодарному и недостойному; онъ воспитывая совершеннѣйшимъ обра-

зомъ своего наслѣдника сказалъ однажды, да и имѣлъ къ тому причину:— „Я пріобучу сына моего чрезъ благоденствіе Французовъ быть самому счастливымъ.„ Сказалъ, и сіи слова никогда не выходили изъ его мыслей.

Лудовикъ XVI, наслаждался удовольствіемъ быть любимъ не только Французами своими подданными, но и заставилъ почитать себя народы чуждые, и о себѣ предубѣжденные. Все сіе произвелъ онъ не силою оружія, но едиными своими благотвореніями, составляющими главное свойство души его. Одинъ Агличанинъ въ письмѣ своемъ къ Парижанину изъясняется о немъ сими словами.— „Во многихъ областяхъ Англіи, и даже въ самомъ Лондонѣ, когда случается кому изъ вашего народа быть за столомъ, то его просятъ пить за здравіе Короля Французскаго; вещь неслыханная въ Англіи! такъ говоримъ мы съ самаго того времяни, какъ узнали добродѣтели и достоинства сего Монарха, Агличанинъ съ удовольствіемъ подноситъ за здравіе Государя истинно любимаго человѣками; ибо человѣчество находитъ въ немъ своего друга и покровителя.

Когда прибывшіе отъ союзныхъ Американскихъ Штатовъ въ Парижъ посланники, между коими находился и славный Поль-Джонесъ, были допущены въ судейскую народнаго собранія, (10 Іюля 1790 года); то Ораторъ ихъ между прочимъ въ рѣчи своей къ собранію говорилъ:— „Лудовикъ XVI на языкѣ Французскомъ называется первымъ Королемъ Французовъ, но на языкѣ всѣхъ народовъ наречется онъ первымъ Королемъ человѣчества.„— Такъ бы дѣйствительно сему и быть надлежало. Но до чего не можетъ достигнуть слѣпота и буйство народное, подстрѣкаемое хитрыми и клятвопреступными похитителями престола? Ослѣпленные Французы зная Государя своего, не познали его; возстали на того, кто неусыпное имѣлъ попеченіе доставить имъ всѣ источники къ ихъ благополучію, возстали на истребленіе себя самихъ. Бродя толпами яко разбойники, и можетъ быть сихъ злѣйшіе, не страшатся дневнаго свѣта; не помышляютъ о правосудіи; все святѣйшее ими попрано. Убійство кажется имъ спасеніемъ, грабительство воздаяніемъ; терзаютъ другъ друга; и невинность есть первая жертва ихъ жестокости. Ярость ихъ не имѣетъ предѣловъ: тигры въ сравненіи съ ними суть

агнцы — воображеніе сіе раздираетъ чувствительную душу: — да и кто возможетъ смотрѣть равнодушно на толь ужасное зрѣлище?

---

4 Августа 1789 года народное собраніе нарекло Лудовика XVI *возстановителемъ вольности Французской.* Когда вельможи собравшись къ Королю возвѣстили Его Величеству о семъ лестномъ наименованіи, отъ всего народа вообще присвоенномъ, то онъ имъ сказалъ: — „Я съ признательностію принимаю титулъ вами мнѣ приписываемой: онъ соотвѣтствуетъ тому концу, которой я предполагалъ созывая чиновъ. Я одобряю постановленіе народнаго собранія, и не премину споспѣшествовать возстановленію вольности во Франціи.„ Но враги отечества и Короля испровергли сіи на усердіи основанныя намѣренія, и не долго попустили наслаждаться ему отличительнымъ и праведнымъ онымъ наименованіемъ; они ухищреніями своими подъ разными предлогами преклонили Короля къ тому, что онъ велѣлъ вступить войскамъ своимъ въ окрестности Парижа и Версаліи съ немалою Артиллеріею. Между тѣмъ народу внушали, что такое множество солдатъ, собранныхъ большею частію изъ чуже-

странцовъ служащихъ во Франціи, тотчасъ съѣстъ весь остальной хлѣбъ въ областяхъ, снабжающихъ онымъ столицу, и что тогда имъ не будетъ ни какого труда перерубить всѣхъ жителей, когда они будутъ изнурены голодомъ. Такія непріязненыя и странныя внушенія, произвели то ужасное и кровопролитное возмущеніе, которому конца по сіе время не видно, и которому подобнаго ни въ какихъ лѣтописяхъ міра не обрѣтается. Толико можетъ злоба надъ невинностію, и коварство надъ добродушіемъ! Но торжество порока надъ добродѣтелію никогда не бывало долговременно.

Въ самый тотъ день, въ которой Лудовикъ XVI объявилъ намѣреніе свое, имѣть обыкновенное свое пребываніе въ Парижѣ, Предсѣдатель предложилъ народному собранію, что бы отправить къ Королю депутатовъ, для изъявленія ему своего почитанія и преданности. Предложеніе сіе было принято со всеобщимъ удовольствіемъ. На другой день въ шесть часовъ съ половиною члены собранія пришли во дворецъ Тюллерійской. И Предсѣдатель тогда между прочимъ говорилъ Его Величеству: — „Приверженность и любовь

Французскаго народа къ своему Монарху съ сего дня, кажется, не можетъ возрасти болѣе, когда онъ единодушно провозгласилъ васъ *возстановителемъ вольности*; ему остается еще, Государь, присвоить вамъ титулъ сего лестнѣйшій и чувствительнѣйшій, титулъ *наивѣрнѣйшаго друга народа*. Генрихъ IV заслужилъ оной отъ жителей славнаго города Рошеля, въ которомъ онъ препроводилъ нѣсколько юныхъ лѣтъ своихъ, и памятники Исторіи возвѣщаютъ намъ, что оный изящный Государь въ письмахъ своихъ, кои писалъ съ великою ласкою и снисхожденіемъ, подписывался всегда: *вашъ наилучшій другъ*. Симъ титуломъ, Государь, обязана вамъ вся Франція. Она видѣла, что Ваше Величество пребывая неустрашимы и спокойны среди бури, о ней одной безпокоитесь, и стараетесь присудствіемъ вашимъ извлечь изъ бездны золъ чернь волнующуюся. Весь народъ свидѣтель, колико вы можете надъ сердцами онаго. Единымъ вѣщаніемъ устъ вашихъ возобновилась сладкая тишина и подчиненность въ столицѣ, возобновился всеобщій порядокъ, который бы въ прочемъ стоилъ многихъ потоковъ крови. Франція видѣла, Государь, что вы отрекаетесь всѣхъ забавъ, лишаетесь покоя и входите во среду без-

покойныя толпы возвѣстить дни мира, возродить надежду тишины, связать узлы единодушія и совокупить во едино разсыпанныя силы сея великія державы.,,

---

Балльи, градоначальникъ Парижскій, въ началѣ Маія 1790 года поднесъ Королю медаль, сдѣланную городомъ на случай прибытія его въ столицу, съ надписью: *Здѣсь будетъ впредь обыкновенное мое пребываніе*. Градоначальникъ привѣтствовалъ Монарха своего при семъ слѣдующими словами: — „Государь, Ваше Величество, въѣзжая въ Парижъ сказали: *Здѣсь будетъ впредь обыкновенное мое пребываніе*. Городъ Парижъ напечатлѣлъ на медали слова сіи, напечатлѣнныя во глубинѣ сердецъ всѣхъ согражданъ.,,

Лудовикъ XVI отвѣтствовалъ на сіе между прочимъ: — „Я съ признательностію принимаю знакъ усердія оказываемаго мнѣ городомъ Парижемъ, и съ великимъ удовольствіемъ буду въ немъ имѣть обыкновеннѣйшее мое пребываніе, когда только обстоятельства позволятъ.

---

19 Октября 1789 года, чрезъ двѣ недѣли по прибытіи въ Парижъ Король по-

чти одинъ и пѣшкомъ ходилъ смотрѣть народную Парижскую гвардію. Послѣ осмотру сего увидѣлъ онъ въ такъ называемыхъ Елисейскихъ поляхъ мальчика, которой подметая соръ попросилъ у него денегъ назвавъ Короля: *Господинъ Кавалеръ.* Его Величество далъ ему шесть Франковъ. Сей робенокъ удивившись такому множеству денегъ въ рукахъ своихъ сказалъ: — „Ахъ! мнѣ нечемъ сдать! — Ты мнѣ сдашъ въ другое время, отвѣтствовалъ съ сердечнымъ удовольствіемъ Король.„ Тогда слѣдовавшій за Его Величествомъ подошедъ къ мальчику, сказалъ ему: — Не заботься о сдачѣ, другъ мой, это теперь все твое; Господинъ сей не Кавалеръ, а старшій во всей фамиліи.„

Того же мѣсяца и года Король указомъ повелѣлъ, что бы со всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, винъ и проч. какіе будутъ привозимы въ Парижъ собственно для него, для Королевы, для Принцовъ братьевъ его и всей Королевской фамиліи, платить на заставахъ ту же самую пошлину, какая собирается и съ другихъ проѣзжающихъ съ разными запасами для всенароднаго употребленія.

Когда уже и по прибытіи Короля въ столицу цѣна съ хлѣба не спадала, то простой народъ сталъ подозрѣвать нѣкоторыхъ хлѣбниковъ, яко бы они хотятъ произвести голодъ въ Парижѣ, дабы еще болѣе возвысить цѣну. Симъ нелѣпымъ мнѣніемъ упоенная чернь захватила одного несчастнаго хлѣбника именемъ *Франциска*, потащила было сперва его въ ратушу, что бы онъ оправдался; но разсудивъ сама собою, что онъ виноватъ, отдумала вести его къ суду и тутъ же повѣсила. Нѣкто изъ сихъ злодѣевъ недовольствуясь таковою казнію, отрубилъ ему голову и носилъ ее по всѣмъ улицамъ, яко знакъ славной побѣды. Лютость и буйство въ сердцѣ сего варвара столько дѣйствовали, что онъ принесъ и бросилъ отрубленную имъ голову предъ глазами молодой жены сего хлѣбника, которая была тогда беременна. Она отъ страху и ужасу чуть не умерла при семъ зрѣлищѣ. Король увѣдомившись о семъ плачевномъ произшествіи возъимѣлъ нѣжнѣйшее сострадание о участи несчастныя вдовы, равно какъ и Августѣйшая его супруга. Ихъ Величества приказали Герцогу Ліанкурту навѣдаться о ней и чрезъ него послали ей шесть тысячь ливровъ для вспоможенія въ ея промыслѣ, и при томъ велѣли объявить, что они бу-

душъ воспріемниками, когда она разрѣшится отъ бремени. Они простерли благотвореніе свое до того, что приказали лѣкарю посѣщать ее всякой день и давать имъ извѣстіе о успѣхахъ своего лѣченія.

Сія вдова, счастливая въ своемъ несчастіи, выздоровѣла оживлена будучи безприкладными милостями Короля и Королевы; по истеченіи нѣкотораго времени родила она благополучно сына, у коего дѣйствительно въ лицѣ ихъ Величествъ воспріемниками были Г. Омонъ Вилликіе и Госпожа Шиме.

Король однажды по утру прогуливаясь въ саду Тюллерійскомъ встрѣтился съ однимъ частнымъ человѣкомъ, и увидѣвъ у него въ рукѣ бумагу, спросилъ его съ ласковостію, не прошеніе ли это, которое онъ хочетъ подать ему: — „Нѣтъ, Государь, отвѣтствовалъ ему сей. — Сожалѣю, сказалъ Монархъ, я бы радъ былъ видя одного изъ подданныхъ моихъ относящагося прямо ко мнѣ для испрошенія себѣ какой либо милости.„

Версальская народная гвардія сдѣлала золотую медаль на случай достопамятнаго засѣданія, которое Лудовикъ XVI имѣлъ

4 Февраля въ народномъ собраніи. Медаль сія имѣла двадцать три линеи въ поперечникѣ: на одной ея сторонѣ между двумя масличными вѣтьвями была надпись изъ рѣчи говоренной имъ въ тотъ день къ собранію, состоящая въ слѣдующихъ примѣчательныхъ словахъ: *Тотъ доброй народъ, которой мнѣ столько любезенъ, и о которомъ увѣряютъ меня, что я имъ любимъ взаимно, когда хотятъ меня утѣшить въ моемъ прискорбіи* (*). На другой сторонѣ ея изображенъ былъ пеликанъ терзающій себя для дѣтей своихъ съ надписью: *Французы! подъ симъ иносказательнымъ изображеніемъ познайте и обожайте Государя вашего.*

Медаль сія поднесена была Его Величеству Бертіеромъ, Полковникомъ народной Версальской гвардіи, которой говорилъ при томъ слѣдующую краткую рѣчь: — „Всемилостивѣйшій Государь, Версальская народная гвардія исполнена будучи почтенія и любви къ добродѣтелямъ Вашего Величества, не могла лучше предать оныхъ удивленію потомства, какъ ввѣряя твердѣйшему металлу сокращеніе вашихъ мыслей, и изображеніе отеческихъ вашихъ дѣяній.„

(*) Слова сіи суть одинъ членъ періода въ рѣчи; и по тому неполной оныхъ смыслъ весьма естественнъ.

Послѣ сего поднесена была такая же золотая медаль и Королевѣ, которая приняла ее съ великимъ удовольствіемъ.

Король желая видѣть главныя заведенія въ своей столицѣ, а особливо тѣ, кои основаны съ благодѣтельнымъ и человѣколюбивымъ намѣреніемъ, былъ съ Королевою и Дофиномъ въ Нотрдамѣ 10 Февраля 1790 года, гдѣ онъ слушалъ обѣдню, и оттуда проѣхалъ въ воспитательный домъ. Между тѣмъ какъ они осматривали покои, принесли туда одного подкидыша найденнаго на паперти церьковной. Ихъ Величества были чрезвычайно тронуты симъ происшествіемъ. Королева держа тогда Дофина за руку сказала ему съ нѣжностію: — Любезный сынъ, здѣсь ты въ убѣжищѣ бѣдныхъ сиротъ оставленныхъ своими родителями. Не забудь етого, что теперь видишъ; не забудь сихъ существъ невинныхъ и несчасшныхъ. „

Спустя нѣсколько времени Король съ Королевою и Лафаетомъ посѣтилъ зеркальный заводъ въ предмѣстіи Св. Антонія. Градоправитель ожидалъ ихъ Величествъ на заводахъ съ тремя Предсѣдателями, коимъ Король вручилъ не малую

сумму для вспомоществованія бѣднымъ. Чувствительной и добродушной Государь желая изъявить рабочимъ людямъ свою милость и удовольствіе, вынулъ изъ кармана своего нѣсколько ассигнацій; но, подумавъ нѣсколько сказалъ имъ: — „Друзья мои, естьли я вамъ дамъ ассигнаціями, то для васъ это будетъ затруднительно и не выгодно; лучше побывайте вы у казначея моего Вилликіера: я скажу ему, что бы онъ вамъ далъ ефимками.„

Королева тронута будучи всеобщею любовію и приверженностію народа, сказала: — „Какъ добры эти люди, когда ихъ ищутъ! — Это правда, подхватилъ одинъ изъ придворныхъ, но они не такъ добры, когда сами кого ищутъ. — На сіе Королева возразила: для того что они руководимы бываютъ странными побужденіями.„ И тутъ заградились уста онаго политика.

Подъ исходъ Марта того же года, Король съ Августѣйшею своею супругою, ѣздилъ на славную шпалерную фабрику, *Гобеленъ* называемую, что въ предмѣстіи Сентъ-Марсель. Округа тамошняго правительство извѣстясь о семъ намѣреніи Короля собралось за благовременно на фабрику, и ожидало тамъ Ихъ Величествъ.

Начальникъ онаго округа имѣлъ честь говорить имъ рѣчь, въ коей изъявлялъ онъ удовольствіе и радость, какую произвело въ народѣ Монаршее присудствіе, и чувствія той любви и преданности, коими исполнены были многочисленные жители сего предмѣстія къ священнымъ ихъ особамъ. Король отвѣтствовалъ съ трогательною простотою, что онъ всегда былъ доволенъ приверженностію и усердіемъ своего народа. Королева сказала Предсѣдателю: — „У васъ довольно несчастныхъ; но минуты, въ кои мы имъ помогаемъ, для насъ суть самыя драгоцѣннѣйшія; кажется, что пріятнѣе являть, нежели принимать благодѣянія.„

Король по изъявленіи особливаго своего удовольствія къ трудамъ сей фабрики, почитающейся наилучшимъ памятникомъ раченія и искуства Французовъ, поручилъ Герцогу Бриссаку, что бы онъ далъ Директору шесть тысячь ливровъ для бѣдныхъ въ томъ округѣ, и еще тысячу двѣсти ливровъ для работающихъ на фабрикѣ.

---

22 Маія 1790 года Король въ простомъ платьѣ и почти безъ провожатыхъ вздумалъ верьхомъ прогуляться въ Болонскую рощу; откуда возвратился въ Парижъ по

дорогѣ Сентъ-Мартесъ. Нѣкоторые изъ народа узнавъ его говорили другъ другу: —„Гляди, гляди, вотъ нашъ обожаемый Король:„ — и смотрѣли на него съ восхищенiемъ и любовiю. Когда Его Величество проѣзжалъ мимо одного каменосѣчца, которой тогда сидѣлъ за своей работой, то сей взглянувъ на него и не узнавъ Короля вскричалъ своему товарищу: — „Посмотри ка братъ, какой ето бравой Кавалеръ! Король сказалъ ему: Богъ вамъ на помощь. Сiи непритворныя и искреннiя слова подвигли чувствительность добраго Государя, который съ удовольствiемъ повторялъ оныя въ нѣдрахъ своея фамилiи.

За два дни до общаго собранiя, воспослѣдовавшаго 14 Iюля, Депутаты гвардiи народной Турской, сопровождаемые Депутатами Туренскими въ народное собранiе, поднесли Королю кольцо, которое носилъ еще Генрихъ IV, и которое онъ съ руки своей отдалъ въ знакъ памяти монахамъ одного Бенедиктинскаго монастыря близъ Тура, за оказанную ими знатную услугу отечеству.

Лудовикъ XVI принимая кольцо сiе изъ рукъ Полковника Турской народной гвардiи, которой привѣтствовалъ Его Величество

отъ всея своея Губерніи, сказалъ ему: — „Я сердечно благодарю васъ, Государи мои, за ваши добрыя чувствія и расположенія, кои вы мнѣ теперь изъявляя, утѣшаете мою душу. Для меня нѣтъ ничего лучше усердія дѣтей моихъ. Я съ превеликимъ удовольствіемъ надѣну кольцо сіе въ день общаго собранія и союза. Да увѣнчаетъ Богъ благія намѣренія наши желаемымъ успѣхомъ.„

Сказываютъ, что Король при семъ поцѣловалъ Предводителя чиновъ Бретанскихъ, и сказалъ ему: — Отнесите сей поцѣлуй отъ меня всему народу.„

Нѣкто изъ писателей за достовѣрное утверждаетъ, что съ самаго начала Французской революціи, Король Шведской приказалъ на отечественной свой языкъ переводить всѣ рѣчи говоренныя Лудовикомъ XVI. Толико онъ почиталъ его разумъ и уважалъ сердце! Великая душа не плѣняется суетнымъ блескомъ словъ и дѣлъ, но склоняется паче къ тому, что есть праведно и благонамѣренно. — За неложное увѣряютъ, что Лудовикъ XVI сочинялъ всегда самъ рѣчи, говоренныя имъ всенародно. Графъ Прованскій однажды просилъ его показать себѣ рѣчь, коею онъ намѣренъ

былЪ 1787 года открыть первое засѣданіе вЪ Парламентѣ; но тщетно. Король Принцу брату своему сказалЪ вЪ отвѣтЪ: —„Ты можетЪ быть еще вздумаешЪ что нибудь поправить, наставишЪ своихЪ фигурЪ и троповЪ, и сдѣлаешЪ ее надутою; но мое намѣреніе совсѣмЪ не кЪ тому клонится; я хочу говорить кЪ народу то, что чувствуетЪ мое сердце, и поставляю себѣ за удовольствіе открыть ему истинный образЪ моихЪ мыслей и моихЪ кЪ нему расположеній.„

ЛудовикЪ XVI подарилЪ Парижской ратушѣ грудное свое изображеніе. Чувствованія благодарности, кои Градоправитель изЪявлялЪ Королю отЪ всего города 27 Февраля 1790 года, достойны быть сохранены вЪ позднѣйшее потомство: — „ПредЪ лице Вашего Величества направляетЪ всегда стопы свои благодарность наша, или за благо вами намЪ содѣянное, или за благо, которое вы явить Франціи предпріемлете. Сего дня получаемЪ мы такое благодѣяніе, котораго раздѣлить ни сЪ кѣмЪ не можемЪ; получаемЪ грудное на марморѣ изображеніе Вашего Величества. ОбразЪ сей болѣе нуженЪ нашимЪ потомкамЪ, нежели намЪ

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о изваяніяхъ и другихъ памятникахъ какъ воздвигнутыхъ Лудовику XVI, такъ и тѣхъ, кои воздвигнуть ему предпринимали подданные его изъ любви и благодарности. Подлинно не многіе изъ Государей могутъ столь быть попечительны о счастіи ввѣренныхъ народовъ, что бы при жизни своей имѣть славу видѣть и заслужить себѣ безсмертные памятники всеобщей благодарности.

14 Декабря 1783 года городъ *Доль* во Франшкомтѣ слилъ пѣшее изображеніе Короля. Сей памятникъ воздвигнутый на главной площадк представляетъ Лудовика XVI стоящаго и показующаго перстомъ на земномъ шарѣ Океанъ съ надписью: *свобода на моряхъ*. На подножіи сего изваянія сдѣлана надпись, сколь простая, столь благородная и выразительная: *Лудовику XVI, двадцатишестилѣтнему*.

Чины Бретанскіе положили также воздвигнуть памятникъ Лудовику XVI, на которой нибудь площади въ Реннѣ, или гдѣ индѣ, въ вѣчный знакъ благодарности своей за дарованныя имъ человѣколюбныя преимущества Его Величествомъ; но послѣдовавшее законопреступное и отце-

убійственное и всегубительное возмущеніе не позволило имЂ совершить сего достохвальнаго намЂренія.

Тулузскіе Капитулы (симЂ именемЂ называются магистратскіе судьи вЂ ТулузЂ) 1777 года вЂ судейской своей поставили памятникЂ вЂ честь своего Государя, изображающій Лудовика XVI величины почти естественной. Сей изящный Государь увЂнчанный масличными вЂтьвями сидитЂ на трофеяхЂ знаменующихЂ науки и художества; правою рукою собираетЂ онЂ богатство и плоды сыплемые изЂ рога изобилія: положеніе лЂвой руки знаменуетЂ покровительство и возвЂщаетЂ равно какЂ и всецЂлое изображеніе, что сей благодЂтельный МонархЂ принимаетЂ одною рукою сіи плоды и богатства для того только, дабы другою раздавать оныя. Голова сдЂлана сЂ алебастроваго подлинника Г. Пажу, славнаго Скульптора Королевскаго. ПамятникЂ сей высЂченЂ изЂ чистЂйшаго мармора Карарскаго и утвержденЂ на подножіи изЂ бЂлаго мармора сЂ жилками. По бокамЂ сего изваянія находятся два барельева, изЂ коихЂ одинЂ представляетЂ мvропомазаніе Короля, а другой изобра-

жаетъ Парламентъ. Спереди на подножіи читается слѣдующая краткая, но выразительная надпись: *Лудовику XVI.* — „Подлинно надпись сія очень проста и коротка, замѣчаетъ одинъ ученый мужъ; но таково есть преимущество Государей любимыхъ своимъ народомъ, что великолѣпныя выраженія для нихъ не нужны, и что довольно единаго ихъ имени, дабы во всѣхъ сердцахъ произвести живѣйшее и нѣжнѣйшее впечатлѣніе.„ — Работу сію къ совершенному окончанію привелъ Лука, Профессоръ Скулптуры Академіи художествъ въ Тулузѣ. Здѣсь можно примѣтить, что въ ратушѣ Тулузской только и есть два изваянія, одно Генриха IV, а другое Лудовика XVI.

Въ приморскомъ городѣ Вандрѣ въ 1785 году воздвигнутъ прекраснѣйшій марморный обелискъ возвышающійся на сто футовъ надъ морскою поверхностію; онъ оканчивается земнымъ шаромъ увѣнчаннымъ лиліями. Основаніе украшенное бронзовыми барелієвами представляетъ четыре перьвыя епохи царствованія Лудовика XVI; одна изображаетъ, *уничтоженное рабство во Франціи*, другая, *Америку учиненную независимою*, а остальныя двѣ, *покровительствуемую торговлю и возтановленное*

Французское мореплаванїе. Все украшено трофеями и надписями. Основанїе сїе окружают четыре подножїя изъ Италїянскаго мармора, представляющїя четыре части свѣта. Они соединены позолоченою желѣзною рѣшеткою, за коею площадка выслана мармором; а на ней сдѣланы четыре ступеньки предъ подножїем обелиска.

Памятник сей воздвигнут посреди огромной площади называемой *Лудовикъ XVI*; он со всѣх сторон украшен сухопутными и морскими трофеями; от пристани ведет к нему прекрасная лѣстница с перилами по обѣим сторонам: внизу лѣстницы пред перилами находится с обѣих сторон по Генїю с рогом изобилїя, из коего сыплются всѣ богатства прїобрѣтаемыя торговлею по источнику снабжающему корабли водою. Всѣ сїи разныя украшенїя означают величїе и благотворенїе Лудовика XVI.

Въ общем собранїи совѣта граждан Лїонских 13 Апрѣля 1790 года опредѣлено было воздвигнуть посреди площади Терро против ратуши пѣшее изваянїе изображающее Лудовика XVI *возстановителемъ Французской вольности*; но ослѣпленное буйство взбунтовавшей черни

пресѣкло сіе благонамѣренное предпріятіе, и не попустило создать и утвердить памятника провѣщающаго мирное и добродѣтельное царствованіе, памятника собственныя своея свободы, своея славы и счастія.

Американской конгресъ 1783 года положилъ также воздвигнуть въ Филадельфіи бронзовое изваяніе въ честь Лудовику XVI. Толикую силу и въ отдаленности имѣла надъ сердцами его добродѣтель!

Король увидѣвъ однажды послѣ обѣда народной гвардіи офицера, которой безъ всякаго дѣла и примѣчанія ходилъ по покоямъ дворца Тюллерійскаго, спросилъ его, умѣетъ ли онъ играть въ триктракъ. Когда офицеръ сказалъ, что умѣетъ, то Лудовикъ XVI сѣлъ съ нимъ играть и выигралъ у него сверьхъ желанія своего девять франковъ (*). Но какъ приближалось тогда время совѣта, то Его Величество оставивъ игру сказалъ сему офицеру, что онъ можетъ съ нимъ съиграться въ другое время.

(*) Франкъ тоже, что и ливръ; онъ составляетъ около четверти рубля нашего.

Лудовикъ XVI будучи еще Дофиномъ однажды прогуливаясь съ супругою своею въ саду Версальскомъ увидѣлъ мимо идущую дѣвочку, которая несла чашку и нѣсколько оловянныхъ ложекъ. — „Что ты несешь, душенька, спросила ее тогда Королева? — Супъ, сударыня, для батюшки и матушки, кои вонъ-тамъ на полѣ работаютъ. — А съ чемъ етотъ супъ? — Съ водою, сударыня, да съ кореньями. — Какъ? безъ говядины? — О! сударыня, мы счастливыми себя почитаемъ, когда у насъ есть хлѣбъ. — На же вотъ, снеси ети четыре луидора отцу своему, что бы у васъ супъ былъ получше. — По семъ они ее отпустили; и какъ обрадованная дѣвочка довольно поотошла, то чувствительная Принцесса сказала своему супругу: — Другъ мой, пойдемъ за етою дѣвочкою и посмотримъ, что отъ нея будетъ. Они и дѣйствительно пошли за нею, и увидѣли издали бѣднаго старика согбеннаго подъ тяжестію трудовъ своихъ, которой, коль скоро дочь его отдала ему четыре луидора и расказала ему о своей счастливой встрѣчѣ, палъ на колѣни съ женою своею, поднялъ руки къ небу и благодарилъ Бога за непредвидѣнную помощь, которую онъ ниспослалъ ему. — Видите вы, другъ мой, сказала

Королева тогда своему супругу, они ето за насъ Бога молятъ. Какое сладкое удовольствіе дѣлать добро ближнему! — Мы часто подаемъ милостыню, присовокупилъ тогда Августѣйшій ея супругъ; но мало въ нашемъ состояніи такихъ, кои бы могли хорошо подавать ее. Сей доброй вашъ поступокъ совершенно услаждаетъ мое сердце.„

Королева во время перьвой своей беременности почувствовавъ шевеленіе младенца, объяснилась о семъ Королю весьма забавнымъ и замысловатымъ образомъ. — „Государь, сказала она ему съ важнымъ видомъ, я прошу у васъ должнаго удовлетворенія за чувствительную обиду, которую мнѣ сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ подданныхъ. — Король весьма сему удивившись принуждалъ ее расказать, какимъ образомъ ето случилось. — Такъ, подлинно, Государь, продолжала она, етотъ человѣкъ былъ столько наглъ и дерзокъ, что меня ударилъ ногою.„ Тогда Августѣйшій ея супругъ понялъ сію шутку, и оною былъ весьма доволенъ.

Всеобщая радость, которую Франція ощутила извѣстясь о благополучномъ

разрѣшеніи Королевы отъ бремени (*), знаменита болѣе человѣколюбными и благотворительными дѣяніями, нежели шумными, и иногда безполезными празднествами всенародными. Правители города Парижа обратили вниманіе свое на вспомоществованіе скуднымъ и особливо семейнымъ обывателямъ. Между сими несчастными находился одинъ золотарь именемъ *Лафоссъ*, которой обьявилъ о себѣ, что у него девятнадцатеро живыхъ дѣтей. Градоправители и голова купцовъ спѣшили подать помощь сему толь почтенному отцу по количеству гражданъ, коихъ онъ доставилъ Государству; они взяли на свое попеченіе выдать старшую дочь его и снабдить его всѣмъ нужнымъ, не только въ настоящихъ его обстоятельствахъ, но и на предбудущее время. Благородное великодушіе ихъ и сожалительное состояніе Лафосса, коль скоро учинились извѣстны, тотчасъ одна благодѣтельная особа, сокрывшая имя свое отъ всеобщей благодарности, для усла-

(*) Здѣсь разумѣется первое разрѣшеніе Королевы дочерью Маріею-Терезіею-Шарлотою, называемою Французами *Madame Royale* или просто *Madame*. Принцесса сія родилась 19 Декабря 1778 года.

жденія горести Лафоссовой, прислала кЪ нему пятьдесятЪ луидоровЪ на его нужды. Издатели Парижскаго дневника (журнала) послѣдовали примѣру сего достопочтеннаго человѣколюбца, да и многіе другіе благотворители при семЪ отличились своимЪ рвеніемЪ. Но ЛафоссЪ устыдясь своего обмана и мучась совѣстію видя толикія кЪ себѣ благодѣянія признался, что вмѣсто девятнадцати дѣтей у него только десятеро живыхЪ, и что всѣхЪ на все было дѣтей двадцать четыре. Всѣ удивились тогда его добродушію, и хотя онЪ не столько былЪ несчастливЪ, какЪ сЪ перьваго разу обЪ немЪ подумали, однако сіпо не уменшило удовольствія сдѣлать его счастливымЪ.

ВотЪ подлинно прекрасныя забавы, и коль они рѣдки вЪ лѣтописяхЪ народовЪ! Должно не безЪ основанія надѣяться, что царствованіе Лудовика XVI назовется вЪ потомствѣ царствованіемЪ благотворенія.

Королева весьма разумно разсудила, что не льзя лучше воздать благодаренія Богу, благословившеиу плодЪ чрева ея, какЪ учиненіемЪ многихЪ вЪ одинЪ день счастливыми. ВЪ слѣдствіе сего Ея Величество положила выдать вЪ замужство сто бѣдныхЪ и благонравныхЪ дѣвицЪ,

избранныхъ во всѣхъ приходахъ Парижа, и каждой изъ нихъ дать по пяти сотъ ливровъ въ приданое, по двѣсти ливровъ на подвѣнечное платье для жениха и невѣсты, и по двадцати ливровъ на свадебной столъ. Приданыя деньги были употреблены на покупку самаго надежнаго имѣнія, дабы тѣ, коихъ милости Королевы сопрягали вѣчно, не учинились нѣкогда несчастными. Государыня сія дала еще слово платить кормилицѣ за перьворожденнаго ихъ младенца, а тѣмъ матерямъ, кои станутъ сами кормить дитя свое, все дѣтское бѣлье, и цѣлою третью больше на всякой мѣсяцъ противъ другихъ. Два старика пользуясь также щедротами Государыни возобновили пятидесятой годъ своего супружества предъ глазами молодыхъ супруговъ, кои видѣли, что бракъ можетъ быть счастливъ и долговремяненъ. Сіи молодые старики были сопровождаемы своими дѣтьми, внуками и правнуками. Тѣ и другіе были одѣты въ одинакое платье: невѣсты въ полотняное платье, а женихи въ суконное вишневое.

Всѣ сіи свадьбы были вѣнчаны въ одной церькви и въ тотъ самый день, въ которой Королева приносила благодареніе Богу за благополучное свое отъ бремени

разрѣшеніе. Его Величество съ Августѣйшею своею супругою и со всею Королевскою фамиліею проѣзжалъ тогда по главнымъ Парижскимъ улицамъ съ приличнымъ радостному дню сему великолѣпіемъ.

Купцы торгующіе овощами, коихъ лавки были тогда на улицѣ Понъ-Невъ противъ статуи Генриха IV, въ знакъ усердія своего и радости поднесли ихъ Величествамъ двѣ корзинки, одну съ померанцами, а другую съ цвѣтами. Но коль скоро сія Августѣйшая чета прибыла въ соборную церьковь; то выпущено было на волю четыреста птицъ въ знакъ великія и отмѣнныя радости. Здѣсь Ихъ Величества отстоявъ божественную службу отправились въ церковь Свят. Женевіевы. На улицѣ Св. Іакова у воротъ университета привѣтсвовалъ ихъ тамошній Ректоръ, при чемъ находились всѣ Профессоры и Адъюнкты университетскіе.

Городъ Ліонъ празднуя благополучное разрѣшеніе Королевы поручилъ шесть тысячь ливровъ городскимъ священникамъ для раздачи оныхъ бѣднымъ; и духовенство тамошнее учинило обильное хлѣбомъ подаяніе, въ которомъ болѣе семи сотъ семействъ имѣли участіе. Кромѣ повсемѣстнаго въ тотъ день освѣщенія въ городѣ сожженъ былъ прекрасный фейер-

веркѣ, на щитѣ котораго видѣнѣ былѣ портретѣ Королевы поддерживаемый Геніями, украшающими оной гирландами изѣ цвѣтовѣ сѣ надписью:

Она такъ же мать и подданнымъ своимъ.

Вѣ день рожденія Дофина, 22 Октября 1781 года, во вспомогательное общество для содержащихся вѣ неволѣ, получено было безѣимянное письмо, вѣ коемѣ сказано; что нѣкоторой человѣкѣ, желающій остаться неизвѣстнымѣ, намѣренѣ пожертвовать пятнадцатью тысячами ливровѣ искупленію за долги содержащихся. На другой день дѣйствительно были принесены означенныя деньги, за кои получили свободу сѣ лишкомѣ четыреста человѣкѣ.

Лудовикѣ XVI дабы ознаменовать новыми благотвореніями рожденіе Дофина, указомѣ простилѣ недоимку за 1781 годѣ со всѣхѣ Парижскихѣ жителей, кои должны не свыше девяти ливровѣ. Сверхѣ того повелѣлѣ онѣ освободить многихѣ невольниковѣ вѣ разныхѣ тюрмахѣ по губерніямѣ за долги содержащихся, такѣ что и самые иностранцы были не лишены сея царскія милости. Такожѣ дозволилѣ возвратить кѣ родителямѣ изѣ воспита-

шельныхъ домовъ всѣхъ законнорожденныхъ дѣтей отданныхъ въ оные по бѣдности родителей своихъ. Число ихъ было велико; а сіе доказываетъ не только народную бѣдность, но еще болѣе повреждение нравовъ. При семъ же случаѣ великое множество гражданъ за долги содержащихся въ столичной темницѣ были освобождены, а заимодавцы ихъ удовлетворены изъ казны государственной. Сумма сихъ долговъ простиралась до четырехъ сотъ шестидесяти четырехъ тысячь ливровъ. Сверхъ сего Король учредилъ еще коммисію для освобожденія изъ тюремъ колодниковъ содержащихся по маловажнымъ преступленіямъ.

Во Франціи издревле было обыкновеніе, что всѣ цехи мастеровыхъ въ день рожденія Дофина, то есть, перьваго сына Королевскаго, приносятъ въ знакъ усердія и радости своей къ Королю что нибудь изъ своей работы. Какъ Лудовикъ XVI въ молодыхъ лѣтахъ своихъ любилъ отмѣнно слѣсарную работу и занимался ею съ наилучшими мастерами; то слѣсари возгордясь симъ предпочтеніемъ Короля считали его нѣкоторымъ образомъ въ числѣ своей собратіи, и хо-

тѣли отличить себя предъ другими принесеніемъ къ Его Величеству чего нибудь превосходнѣйшаго, дабы еще болѣе обратить на себя его вниманіе. Для сего они выдумали и принесли такой замокъ, которой коль скоро былъ отпертъ, то вдругъ вышелъ изъ него Дофинъ естественнаго роста и прекраснаго вида. Король приказавъ подать себѣ сей замокъ старался самъ открыть сію тайну, и разсмотрѣвъ строеніе онаго былъ столько доволенъ сею выдумкою, что тутъ же вынулъ изъ кошелька своего тридцать луидоровъ и подарилъ оные слѣсарямъ.

Король въ Версаліи предъ окнами Дофиновыхъ (*) комнатъ приказалъ развести небольшой садъ, куда всякому входить было невозбранно. Его Величество каждое утро съ сыномъ своимъ земледѣльческими орудіями обработывалъ въ немъ землю, дабы преподать ему нечувствительнымъ образомъ подъ видомъ забавы потребныя понятія о земледѣліи. Пусть нѣкоторые говорятъ, что это было дѣ-

(*) Перьвой Королевской сынъ Лудовикъ-Іосифъ-Ксавіеръ-Францискъ, родившійся 22 Октября 1781 года.

лано для одной забавы молодаго Принца; хотя бы сіе и подлинно такъ было, то и тогда не надлежало ли бы отдать всей похвалы отеческимъ чувствіямъ Его Величества? Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Лудовикъ XVI не безъ основательныхъ причинъ избралъ сей родъ движенія для сына своего, и что хотѣлъ заблаговременно внушить наслѣднику обширныя своея державы понятія о такой работѣ, которая одна можетъ составить счастіе народное.

Къ общему сожалѣнію сей Королевскій сынъ подававшій о себѣ великую надежду (*) умеръ 4 Іюня 1789 года. Въ день смерти его Король заключился во внутреннихъ своихъ покояхъ, и горькими слезами оплакивалъ преждевремянную его кончину. Въ сіе время доложили Его Величеству, что Бальи, посланный отъ народнаго собранія давно уже его ожидаетъ;

(*) Здѣсь можно привести одинъ поступокъ онаго Дофина обнаруживающій признательную его душу. Онъ впавъ въ жестокую болѣзнь, отъ которой потомъ и умеръ, оказывалъ отмѣнную любовь къ Бурсету своему Камердинеру. Однажды спросилъ онъ у его ножницъ, но Бурсетъ представлялъ ему, что такія вещи давать ему запрещено. Однако Дофинъ усильною своею прозьбою довелъ его до того, что ножницы

тогда Лудовикѣ XVI вѣ избыткѣ своея горести сказалѣ: *видно, здѣсь нѣтъ отцовъ дѣтямъ своимъ*! Сіе чувствительное изреченіе очень обнаруживаетѣ отеческое его сердце.

Лудовикѣ XVI, по обыкновенію своему одинѣ, прогуливаясь зашелѣ однажды вѣ Версаліи кѣ Князю Монтбаррею, о которомѣ ему сказано было, что онѣ боленѣ, но весьма удивился увидѣвѣ, что сей Министрѣ отозвавшись на тотѣ разѣ больнымѣ, давалѣ препышной балѣ многимѣ господамѣ, когда онѣ самѣ, будучи Король Франціи, жилѣ весьма умѣренно. Отѣ сего неожидаемаго посѣщенія, сказываютѣ, лишился Монтбаррей довѣренности Королевской, и чрезѣ нѣсколько времени вышелѣ вѣ отставку.

ему были поданы. Коль скоро онѣ взялѣ ихѣ вѣ свои руки, тотчасѣ отстригѣ ими у себя високѣ волосѣ, и завернулѣ его сѣ торопливостію вѣ бумажку, которую подавая своему Камердинеру сказалѣ:— „Вотѣ тебѣ другѣ мой „все, чемѣ я услужить могу; другаго нѣтѣ „ничего вѣ моей власти. Когда я умру, то „ты етотѣ знакѣ покажи моимѣ любезнымѣ „родителямѣ. Они вспомнивѣ обо мнѣ, на„дѣюсь, и тебя не забудутѣ.„

Маія 1788 года Лудовикъ XVI посѣтилъ домъ дряхлыхъ и увѣчныхъ военнослужителей. Сіи изувѣченные были собраны тогда въ церьковь, и разставлены по обѣимъ сторонамъ рядами. Король не могъ смотрѣть безъ слезъ на сіе жалостное зрѣлище. Послѣ обѣдни, во время коей воспитываемые тутъ же сироты играли нѣкоторыя Симфоніи, пошелъ онъ въ столовую слѣпыхъ, кои тогда обѣдали. Одинъ семидесятилѣтній старикъ вскричалъ: — „Никогда не было намъ столь горестно несчастіе нашего состоянія, какъ въ сію минуту, въ которую мы лишаемся удовольствія видѣть нашего Государя, съ нами бесѣдующаго. Для облегченія горести нашей, братцы, попросимъ у Его Величества позволенія выпить за его любезное здравіе. — Я вамъ позволяю съ превеликимъ удовольствіемъ, друзья мои, отвѣтствовалъ Монархъ.„ И послѣ сего пили они за здравіе Короля и всей Королевской фамиліи.

Отсюда угодно было Королю зайти въ кухни. Онъ отвѣдывалъ кушанье, которое на етотъ разъ, какъ легко можно себѣ представить, было несравненно лучше обыкновеннаго. Онъ не оставилъ посѣтить и спальни, гдѣ было все чисто и порядочно: при чемъ останавливался у

постелей многихъ больныхъ и разговаривалъ съ ними о ихъ болѣзни съ великою жалостiю. Одинъ девяностадевятилѣтнiй офицеръ, служившiй еще при Лудовикѣ XIV, будучи вопрошенъ Королемъ о числѣ ранъ его, отвѣчалъ: — „Я былъ раненъ на сраженiи подъ Дененомъ въ 1712 году, и еще подъ Малплакетомъ въ........„ Онъ хотѣлъ припомнить годъ, но немогъ. — „Тогда Король сказалъ съ ласкою; я очень знаю, что ему легче вспомнить первое, нежели другое.„ Изъ спальни пошелъ онъ въ хлѣбню, кушалъ тамъ хлѣбъ, которой ему показался очень хорошимъ. Повѣрить сему не трудно, потому что ему предложенъ былъ самой лучшiй. Онъ пожаловалъ крестомъ Св. Лудовика четырехъ заслуженныхъ офицеровъ, и самъ своими руками возложилъ на ихъ оные ордены; далъ двѣ тысячи ефимковъ солдатамъ, приказалъ выдать награжденiя офицерамъ мѣсячное ихъ жалованье, по шести ливровъ на мѣсяцъ сверьхъ положеннаго двенадцати человѣкамъ самымъ дряхлымъ, и по три ливра на мѣсяцъ двенадцати унтеръ-офицерамъ и солдатамъ, кои по немощамъ своимъ большую надобность имѣютъ въ деньгахъ. Наконецъ опредѣлилъ онъ еще тридцать тысячь ливровъ для содержанiя оными бѣдныхъ вдовъ солдатокъ.

Спустя нѣсколько времени и Королева съ своей стороны также удостоила своимъ посѣщеніемъ оной домъ инвалидовъ. Священникъ сего дома между прочимъ въ рѣчи своей говорилъ: — „Милосердіе обитающее въ душѣ Вашего Величества, сія первьвѣйшая добродѣтель Государей, приближающая ихъ къ божеству, котораго они суть на землѣ живое изображеніе, сооружаетъ въ сіе мгновеніе Вашему Величеству храмъ въ душахъ сихъ неутомимыхъ подвижниковъ. Онъ долѣе пребудетъ всѣхъ пышныхъ памятниковъ, коихъ ни марморъ, ни металлъ не могутъ защитить отъ времени все поядающаго.„

Королева обративъ взоръ свой на великолѣпные церьковные своды удивлялась зодчеству и живописи: — „Это прекрасно, сказала она: но сіе зрѣлище, (указывая на богадѣльниковъ) несравненно больше меня трогаетъ.„ Отсюда провождена она была въ кухни, примѣчательныя своею обширностію и чистотою. Она отвѣдывала какъ супъ такъ и хлѣбъ сама и давала его своей дочери.

Между прочими милостынями явленными Королевою въ семъ домѣ убогихъ, она дарила всѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, дочерей солдатскихъ, и обѣщала ихъ со временемъ наградить чемъ нибудь боль-

шимЪ, сказавЪ при томЪ: — „Естьли бы мнѣ возможно было забыть васЪ, то безЪ сомнѣнія дочь моя мнѣ обЪ васЪ напомнитЪ.„

Когда ученнѣйшій мужЪ, безсмертный ЛеонардЪ ЕйлерЪ издалЪ вЪ свѣтЪ на французскомЪ языкѣ достойное себя сочиненіе о строеніи и вожденіи кораблей; то Г. ТюрготЪ, отправлявшій вЪ то время должность государственнаго казначея получивЪ сію книгу предлагалЪ обЪ ней Королю, такЪ какЪ о превосходнѣйшемЪ и полезнѣйшемЪ для рода человѣческаго умопроизведеніи, котораго творецЪ заслуживаетЪ благодарность отЪ всѣхЪ постановленныхЪ управляти престолами и участію народовЪ. Его Величество чувствуя всю цѣну сего преизящнаго творенія вЪ знакЪ удовольствія и благоволенія своего послалЪ кЪ Г. Ейлеру пять тысячь ливровЪ, и при томЪ письмо самое почтительное и обязательное.

ЛудовикЪ XVI явилЪ чрезвычайные успѣхи вЪ морскихЪ наукахЪ подЪ руководствомЪ славнаго Графа д' Уази, и кЪ нимЪ имѣлЪ великую склонность. ОнЪ часто даже Министру своему морскихЪ

дѣлъ Боіону дѣлалъ такіе вопросы, на которые сей ничего не могъ отвѣтствовать; потому что въ оныхъ былъ мало свѣдущъ. Простительно бы было сіе его невѣжество, естьли бы онъ сдѣлавшись Министромъ не имѣлъ о себѣ глупаго предубѣжденія, и естьли бы не выдавалъ себя за все знающаго. Въ Епиграммѣ, которая тотчасъ разнеслась по его отставкѣ, весьма живо описанъ портретъ его.

Министру гордому смѣются,
Его теперь всякъ оставляетъ;
За тѣмъ, что будучи онъ въ силѣ
Добра не сдѣлалъ никому.
Но кажется несправедливо
Объ немъ такъ худо отзываться,
Онъ въ чистую идетъ отставку;
Такъ зла не будетъ больше дѣлать.

Лудовикъ XVI собственною своею рукою писалъ слѣдующее письмо къ Графу д' Орвильеру: — „Я къ превеликому удовольствію, Государь мой, получилъ извѣстіе о сраженіи, которое вы съ такою похвалою выдержали противъ Аглинскаго флота. Вы очень оправдали то предпочтительное уваженіе, которое я къ вамъ возъимѣлъ по причинѣ вашего по-

веденія и знанія въ морскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Рана Дюшафольта меня очень безпокоитъ; дай Богъ, что бы она была не опасна, что бы онъ поскорѣе оправился и былъ въ состояніи продолжать ревностную свою службу. Я повелѣлъ имѣть всевозможное попеченіе о раненыхъ. Засвидѣтельствуйте вдовамъ и сродникамъ умершихъ, сколь чувствительна для меня ихъ потеря. Сартинъ сообщитъ вамъ дальнѣйшія мои повелѣнія: я не сомнѣваюсь о успѣхахъ; ибо увѣренъ, что всѣ предписанія будутъ выполнены вашимъ знаніемъ и усердіемъ.,,

Лудовикъ.

Графъ д' Орвильеръ на толь почтительное и снизходительное писаніе Его Величества отвѣтствовалъ слѣдующее: — „Всеавгустѣйшій и всемилостивѣйшій Государь! отмѣнное почитаніе и любовь, коими вы трогаете сердца всѣхъ вашихъ подданныхъ, предуготовили вѣрныхъ вашихъ кораблеслужителей къ пожертвованію всѣмъ славѣ вашего царствованія. Но изъявленіе вашего удовольствія, которое вы изволили начертать собственною вашею рукою и меня онымъ удостоить, сіе изъявленіе, которое я лобызаю съ нѣжнѣйшимъ и глубочайшимъ почитаніемъ,

возбудило ревность и храбрость въ вашихъ полководцахъ превыше человѣчества. Корабленачальники и служители всѣ безъ изъятія слушая оное проливали слезы умиленія, восклицали многолѣтное здравіе Вашему Величеству, и искренно другъ друга увѣряли, что съ радостію прольютъ кровь свою служа толь доброму Государю. Раненыя утѣшились, и смотрятъ съ удовольствіемъ на тѣ язвы, которыя они получили подъ флагомъ вашимъ, и которыя отеческому вашему сердцу толико чувствительны. Вдовы и сироты увѣренные о скорой помощи, кою вы имъ обѣщаете, отираютъ свои слезы и присоединяютъ усерднѣйшія свои моленія къ желаніямъ всѣхъ Французовъ, да благословитъ Богъ счастіемъ оружіе ваше, распространитъ славу и умножитъ дни толь добродѣтельнѣйшаго Государя.„

Лудовикъ XVI желая разпространить успѣхи мореплаванія и торговли, препоручилъ Графу Пейрузу 1787 года путешествіе около свѣта, слѣдуя, сколько возможно ближе, пути проложенному безсмертнымъ Кукомъ. Его Величество для сего коль славнаго, толь и полезнаго преплаванія опредѣлилъ два корабля, изъ

коихъ одному далъ имя компаса, а другому астролябіи. Суда сіи были точно такой же величины и вооруженія, какія были у Капитана Кука въ послѣднемъ его путешествіи. Отъ Аглинскаго Адмиралтейства и Королевской Лондонской Академіи присланы были къ Пейрузу всѣ наблюденія, признаки и подлинныя карты, какія могли быть полезны въ семъ дальнемъ преплытіи. Сверьхъ сего Аглинское Адмиралтейство соревнуя толь славному предпріятію сдѣлало Пейрузу знатной подарокъ, состоящій въ морскихъ часахъ и компасѣ показующемъ уклоненіе магнитной стрѣлки отъ полюса, коими пользовался знаменитый мореплаватель Кукъ въ своихъ путешествіяхъ. Кромѣ того самъ Лудовикъ XVI сообщилъ Пейрузу собственныя свои весьма рѣдкія, справедливыя и необходимо нужныя замѣчанія; предписалъ ему, дабы онъ тѣмъ народамъ, коихъ откроетъ, или съ коими имѣть будетъ какое нибудь дѣло, не налагалъ узы рабства, и не сообщалъ бы имъ развращенныхъ нравовъ Европейскихъ или Французскихъ; но единственно бы старался вводить у нихъ въ употребленіе къ пищѣ служащія растѣнія и полезныхъ въ общежитіи животныхъ, помогать ихъ невѣдѣнію, облегчать ихъ нужды и ознакомли-

вать ихъ съ такими знаніями и рукодѣліями, кои самымъ дѣломъ споспѣшествуютъ благу народному.

Но жалѣть должно, что сіе мореплаваніе около свѣта предпріятое подъ покровительствомъ Лудовика XVI не имѣло желаемаго успѣха, и что два корабля погибли или въ неизмѣримыхъ моряхъ, или посреди ужасныхъ льдистыхъ горъ, или наконецъ отъ того, что корабельные служители умерщвлены какими нибудь дикими островитянами. Ибо Пейрузу надлежало возвратиться по крайней мѣрѣ въ 1789 или въ 1790 годахъ; однако объ немъ по сіе время нѣтъ никакого извѣстія. Король по безприкладному своему человѣколюбію 1791 года предпріялъ снарядить еще два корабля, дабы искать по всѣмъ морямъ Пейруза, и между тѣмъ собирать возможныя свѣденія, для коихъ несчастный Пейрузъ былъ отправленъ.

„Какое прекрасное зрѣлище, говоритъ младшій Жаратъ, видѣть людей преплывающихъ отдаленнѣшіе морей предѣлы, дабы обрѣсти нѣсколькихъ заблуждшихъ или погибшихъ! Естьли они найдутъ Пейруза, какая будетъ сладкая радость и для обрѣтшихъ его, и для пославшаго искать его! единое исканіе сіе

пребудетъ памятникомъ въ лѣтописяхъ всего міра.,,

Въ началѣ 1777 года Сулеманъ-Ага, посланный отъ Бея Тунискаго, въ Версаліи былъ у Короля на аудіенціи. Посолъ сей вручивъ вѣрющее письмо говорилъ рѣчь, въ которой ни сколько не примѣтно того варварства, какое приписывается обыкновенно народамъ Африканскимъ, и которая по сему заслуживаетъ здѣсь быть помѣщена. — ,,Къ Вашему Королевскому Величеству Бей Тунискій, мой Государь, отправилъ меня, дабы поздравить васъ съ благополучнымъ возшествіемъ на престолъ вашихъ предковъ. Желая исполнить всѣ обязанности, кои внушаетъ ему ненарушимое дружество и приверженность къ Августѣйшему дому Франціи, мой Государь давно бы прислалъ ко двору вашему нарочнаго, для изъявленія вамъ почтительныхъ своихъ чувствованій и сожалѣнія о кончинѣ именитаго и великаго его союзника и друга, Государя Франціи, преславныя памяти Лудовика XV, и для поздравленія съ тѣмъ счастіемъ, кое провидѣніе предуготовало Французамъ, даровавъ имъ младаго Монарха, соединяющаго въ высочайшей степени добродѣтели и свойства блистательнѣйшія; естьли бы

обстоятельства, вЂ коихЂ мой Государь сЂ сего достопамятнаго времяни находился, позволили ему исполнить то, что внушало его сердце. НынѢ удостоенный высочайшихЂ его повелѢній приношу кЂ стопамЂ Вашего Величества усерднѢйшія желанія о благоденствіи вашея державы, искреннѢйшіе знаки его почтенія и совершеннѢйшія преданности кЂ священной вашей особѢ. . . . . Удостойте, Ваше Величество, пріять рабовЂ и другіе дары, кои я, именемЂ моего Государя, препоручилЂ вашимЂ чиновникамЂ. Благоволи принять сіе не яко дары, но яко залогЂ того желанія, которое мой Государь имѢетЂ, дабы вѢчно заслуживать высокое благоволеніе толь Великаго Самодержца. Наилучшая минута вЂ жизни моей есть, когда я взираю на славу вашего престола; счастливѢйшимЂ себя почту, естьли обратится на меня отЂ того благопріятное и милостивое воззрѢніе.,,

ВЂ то же почти самое время Король Марокскій прислалЂ во Францію племянника своего вЂ достоинствѢ посла, которой между дарами своими представилЂ Королю Французскому одинЂ такой, котораго ничто не могло быть драгоцѢннѢе для Лудовика XVI; єто были двадцать матросовЂ ФранцузскихЂ имѢвшихЂ не-

счастіе претерпѣть кораблекрушеніе при берегахъ Варваріи.

И такъ Лудовикъ XVI имѣлъ у себя пословъ отъ двухъ владѣльцовъ Африканскихъ, и Типо-Саиба, сильнѣйшаго Государя Индійскаго.

Девятилѣтній законный наслѣдникъ Кохинхинскаго престола, будучи сопровождаемъ однимъ Епископомъ, бывшимъ въ Кохинхинѣ вѣропроповѣдникомъ, преплылъ пространство морей для испрошенія себѣ сильной помощи Короля Французскаго противъ одного возмутителя похитившаго престолъ и умыщляющаго на жизнь отца его. Маршалъ Кастри представилъ его Лудовику XVI въ Мартѣ 1787 года. Онъ по обыкновенію земли своей палъ ницъ предъ Монархомъ, которой стыдясь и гнушаясь внутренно такого униженія въ человѣкахъ немедлѣнно его поднялъ съ свойственною душѣ своей чувствительностію. Свиту сего посланника составляли двое сродниковъ его, два Пажа и упомянутый Епископъ сопутствовавшій ему въ толь дальнемъ и опасномъ пути. Онъ былъ одѣтъ въ кисейное платье вышитое золотомъ; его представили также Королевѣ и Королевской фамиліи. Сей молодой Принцъ весьма при дворѣ Французскомъ понравился;

ему часто позволяли играть вмѣстѣ съ Дофиномъ, которой былъ еще его моложе, и онъ научился нѣсколько говорить по Французски.

Одинъ простой повѣренной при сборѣ пошлинъ и податей, обыкновенныхъ во владѣніи Кохинхинскомъ, коварствами своими дошелъ до того, что сдѣлался Государемъ, и свергъ съ престола отца сего молодаго Князя, которой для спасенія своего принужденъ былъ искать себѣ убѣжища въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ своего владѣнія. Сей несчастный Государь, едва ли еще тридцать лѣтъ имѣвшій отъ рожденія, защищался въ семъ послѣднемъ убѣжищѣ съ нѣкоторыми вѣрноподданными своими, кои желали жить и умереть съ нимъ вмѣстѣ. Тщетно Голландцы и Англичане предлагали ему свои услуги и помощь; онъ предпочелъ всему искать покровительство Лудовика XVI, и отправить къ нему малолѣтнаго своего сына истиннаго наслѣдника престола Кохинхинскаго. Онъ просилъ только тысячи двухъ сотъ человѣкъ и двухъ фрегатовъ. На помощь ему дано было восемь сотъ человѣкъ подъ предводительствомъ Шермонта, полководца рѣдкихъ достоинствъ, и два фрегата, Дріада и Медуза, подъ начальствомъ Керзена, мужа весьма

опытнаго и искуснаго въ военыхъ дѣйствіяхъ.

Отъ вѣропроповѣдника увѣдомились о слѣдующихъ подробностяхъ бѣдной и утѣсненной Кохинхины безчеловѣчнымъ своимъ завоевателемъ. Всѣ церькви равно какъ и капища были превращены въ жилища Мандариновъ стороны противнической, или въ казармы солдатскія или въ стойла лошадиныя. Отъ тринадцати до шестидесяти пяти лѣтъ весь народъ безъ всякаго изъятія принужденъ былъ носить оружіе; и для сего то самаго ихъ армія простиралась иногда отъ двухъ до трехъ сотъ тысячь человѣкъ. Одни только дряхлые старики и женщины были исключены изъ военной службы. Вступивъ на мѣсто сраженія надлежало биться съ крайнею отчаянностію; должно было или побѣдить или умереть ни мало не сходя съ онаго. Кто хотѣлъ бѣжать или отступать назадъ, тутъ же платилъ за сіе своею головою. Во всякой походъ, говоритъ вѣропроповѣдникъ, они летѣли подобно птицамъ, не имѣя отдыху ни днемъ ни ночью. Солдатъ пріучили къ жизни весьма суровой и жестокой, сносить голодъ и жажду, зной и стужу. У нихъ не знаютъ палатокъ для лагерей; чрезъ глубокія и быстрыя рѣки они

весьма искусно вплавь переправляются.

Французы подъ благополучною державою Людовика XVI имѣли славу прекратить несчастія сего народа и возвесть паки на престолъ законнаго Короля Кохинхинскаго, коего мужество и силу подкрѣпили они предводительствуя шестьюдесятью тысячами Индійцовъ. Фрегаты нанесли ужасъ на все прибрежіе обитаемое мятежниками. Начальникъ возмущенія и бѣдъ побѣжденъ, и все покорилось своимъ законамъ. Тишина возстановилась, и благоденствіе съ миромъ во всей странѣ водворилось. За сію толь знаменитую услугу утѣсненному человѣчеству какими вѣнцами славы не увѣнчаютъ потомки человѣколюбивѣйшаго Людовика XVI.

Со времени возшествія на престолъ Людовика XVI самыя коронованныя главы и другія знатнѣйшія особы вмѣняли себѣ, такъ сказать, за долгъ путешествовать во Францію. Ерцгерцогъ Максимиліанъ въ началѣ 1775 года прибылъ во Францію подъ именемъ Графа Бургавскаго. Герцогъ Остготландскій, братъ покойнаго Шведскаго Короля, былъ во Франціи и другихъ Государствахъ подъ имянемъ Графа Еланда. Іюля 1777 года онъ прибылъ въ Ліонъ,

которой ему такъ понравился, что онъ часто говаривалъ, что во всей Италіи не видалъ ничего подобнаго великолѣпію сего города, толь именитаго своею торговлею.

Блаженныя памяти Римскій Императоръ Іосифъ II обозрѣвая Европейскія державы подъ именемъ Графа Фалкенштейна посѣтилъ также въ оныя времяна счастливую, но нынѣ внутренними мятежами раздираемую на части, и внѣшнею войною изнуряемую Францію; гдѣ онъ препроводилъ шесть недѣль въ нѣдрахъ родства и дружества.

Его Императорское Высочество наслѣдникъ Россійскія Имперіи Великій Князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ, съ супругою своею Великою Княгинею МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ, подъ именемъ Графа и Графини сѣверныхъ путешествуя по Европѣ, прибыли въ Парижъ въ Маіѣ 1782 года. Народъ извѣщенный о прибытіи *Ихъ Императорскихъ Высочествъ* собрался въ превеликомъ множествѣ близь ихъ гостинницы желая насладиться ихъ лицезрѣніемъ. Коль скоро сіи высочайшіе путешественники показались, нѣсколько десятковъ тысячь голосовъ восклицали: *да здраствуютъ Графъ и Графиня сѣверные.* Великій Князь тотчасъ опустивъ стекло выглянулъ изъ кареты

и отвѣтствовалъ имъ сими достопамятными словами: — „Славные Французы, я очень доволенъ ласковымъ вашимъ пріемомъ, и не забуду его никогда.„

Ихъ Императорскія Высочества благоволили нѣсколько дней пробыть въ Ліонѣ, гдѣ они почтили высокимъ своимъ посѣщеніемъ всѣ заведенія и рукодѣлія достойныя любопытства и замѣчанія. Графъ сѣверный въ одно время будучи въ Гошпиталяхъ тамошнихъ, когда хотѣли его отвлечь отъ зрѣлища бѣдности и немощей человѣческихъ, коихъ другіе большіе люди сами убѣгать стараются, произнесъ слѣдующія, проявляющія великую и благодѣтельную его душу, слова: — „Люди чѣмъ болѣе удалены отъ бѣдностей человѣческихъ, тѣмъ больше должны они приближаться къ онымъ, дабы имѣть вящее удовольствіе помогать имъ.„

Графъ сѣверный между прочимъ не преминулъ посѣтить славной гробницы Кардинала Ришелье въ соборной церкви. Вѣроучитель сопровождавшій его, припомнилъ ему тогда слова Государя ПЕТРА ВЕЛИКАГО, которой увидѣвъ изображеніе сего славнаго министра сказалъ: — „О мужъ великій! почто ты не живешъ еще на свѣтѣ! я бы отдалъ тебѣ половину моего царства, что бы ты научилъ меня

управлять другою. — „Государь мой, отвѣтствовалъ ему вдругъ Графъ сѣверный: —Кардиналъ вашъ не долго бы ею попользовался; онъ бы тотъ же часъ опять ее возвратилъ моему прадѣду.„

На канунѣ отбытія Графа и Графини сѣверныхъ Лудовикъ XVI подарилъ имъ превеликолѣпныя обои представляющія Исторію ПЕТРА Перьваго, и прекрасной фарфоровой сервизъ съ гербами *Ихъ Императорскихъ Высочествъ.*

1782 года 21 Ноября въ Парижскомъ Кабинетѣ рѣдкихъ художественныхъ произведеній поставлены были Бюсты Лудовика XVI, подаренные въ оной Королевскимъ рѣщикомъ Конассу. Нѣкто изъ бывшихъ при семъ случаѣ прочиталъ тогда въ слухъ слѣдующіе безъ всякаго приготовленія сочиненные стихи.

Се мудрый Государь и подданныхъ отецъ,
Желающъ блага всѣмъ, по правдѣ всѣмъ судящій!
Се зла исправитель! свободы се творецъ,
Порядокъ любящій, а рабства не терпящій!
Какъ вѣрнѣйшій нашъ другъ, отъ насъ онъ здѣсь почтенъ;
Но другомъ вольности онъ будетъ нареченъ.

Король Шведскій подъ именемъ Графа Гаги вторично посѣтилъ Францію Іюня 1784 года. При дворѣ Лудовика XV онъ хотѣлъ самъ показать себя, но при Лудовикѣ XVI пріѣзжалъ удивляться добродѣтелямъ сего Государя, которой казалось, предопредѣленъ былъ къ тому, что бы помрачить славу всѣхъ своихъ предшественниковъ. И подлинно жизнь его была подобна жизни Тита; ибо онъ подобно ему былъ милосердъ и снисходителенъ; подобно ему имѣлъ чистѣйшія и добродѣтельнѣйшія намѣренія.

Конецъ первьой части.